

Ирина
Волчок

ЛИЖО
ВЕТРЕННОЕ

Все люди – разные

Ирина Волчок
Лихо ветренное

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волчок И.

Лихо ветренное / И. Волчок — «Издательство АСТ», 2007 — (Все люди – разные)

ISBN 978-5-17-059611-9

Рыжая оглобля в красных кожаных шортах за стойкой бара, танцовщица в ресторане казино, топ-модель, вышедшая из подъезда старой пятиэтажки во двор как на подиум, свирепая тренерша «жирных тётков» в фитнес-клубе... Люди так мало знают о тех, кто рядом. Четыре года назад Зоя осталась одна, в один миг потеряв родителей и старшего брата, и поклялась себе заменить племянникам мать. Она хватается за любую работу, в свои двадцать три года искренне считая, что молодость уже прошла и теперь главная ее цель – обеспечить будущее детей и отдать долги тем, кто помог ей выжить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-059611-9

© Волчок И., 2007
© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ирина Волчок

Лихо ветреное

© И. Волчок, 2019

© ООО «Издательство «АСТ», 2019

* * *

Глава 1

Что, это и есть та самая интересная штучка, ради которой Макаров его сюда затащил? Ну и ну. Таких штучек он уже навиделся. Все они одного поля ягоды, и если чем и отличаются друг от друга, так это цветом обязательно кожаной юбки и длиной ног – опять же обязательно в черных ажурных колготках. У этой штучки, надо признать, ноги были не в пример длиннее, чем у всех остальных, которых он раньше видел. Зато красная кожаная юбка – не в пример короче.

Павел пару минут молча рассматривал барменшу, оживленно что-то говорящую единственному посетителю, пожал плечами и обернулся к другу:

– Володь, я пойду, наверное. Спать хочу. Завтра вставать рано, работы черт знает сколько, а я и так неделю не высыпаюсь.

– Паш, да ты чё? – зашептал Макаров и вцепился в его рукав. – С ума сошел? Спать... Пойдем, пойдем я тебя сейчас познакомлю! Не пожалеешь, вот увидишь... Хочешь, поспорим?

Павел совсем не хотел спорить с Володькой. И знакомиться с этой трясогузкой он не хотел, и вообще оставаться в этом заведении он больше не хотел. Тоже мне казино. Пародия. Впрочем, чего еще можно было ожидать? Если помнить о вкусах Макарова... А он о них забыл. Ну и сам виноват.

– Я тебе ключи оставлю, – сказал Павел, пытаясь высвободить свой рукав из пальцев этого любителя трясогузок. – Помнишь, где машина стоит? Да отстань ты от меня, я правда спать хочу...

– Сейчас расхочешь, – зловеще пообещал Макаров. – А машину мне нельзя оставлять, я уже пьяный. И еще напьюсь. Пойдем, кому говорю! Спорим, она тебе пару слов скажет – и все, и спекся, морально устойчивый ты наш...

Барменша вдруг захохотала, слегка откинувшись назад и картинно запустив пятерню в густую светло-каштановую кудрявую гриву, в тщательно продуманном беспорядке спадающую ей на плечи и спину. Как хоть она на этом табурете удерживается? Да еще так вертится... Наверное, долгая практика. Богатый опыт. Профессиональный навык.

– Видал? – Макаров толкнул Павла в бок, и тот сообразил, что стоит и, затаив дыхание, неотрывно смотрит на эту мартышку, беспечно качающуюся на слишком высоком и не слишком устойчивом табурете.

Мартышка что-то сказала посетителю – довольно пожилому лысоватому дядьке в зеленом пиджаке, – обернулась к ним и преувеличенно восторженно ахнула, раскинув руки, как для объятий.

– Какие люди! – заговорила-запела она, неуловимо плавным движением стекая со своего наседа.

Как капля свежего меда с ложки соскользнула, отметил Павел. Даже за стойку рукой не придержалась. Эквилибристика...

Барменша шла к ним неторопливой, даже ленивой, немножко танцующей походкой, подчеркнуто гордо развернув прямые плечи, слегка откинув голову на высокой и очень стройной шее, положив одну ладонь на бедро, а другой вороша на затылке буйные кудри. Мама дорогая, да на ней даже и не юбка... Это на ней красные кожаные шортики в обтяжку, да не просто шортики, а такие мини-шортики, что... А ноги такими длинными кажутся, наверное, из-за каблучков. Сантиметров по двадцать каблучки, не меньше. И как на таких ходулях бабы ходят? Да еще так красиво ходят, так...

– А? – торжествующе шепнул Макаров у него над ухом и заспешил навстречу барменше. – Зоя! Сладенькая моя! Рыба моя золотая! Дай нам скорей попить чего-нибудь вкусенького, а то я сейчас засохну прямо на корню... А вон тому обугленному молочка дай. Он у нас язвенник,

трезвенник, зануда и к тому же за рулем! Нет, ты видала столько пороков в одном человеке? Паш! Иди сейчас же сюда, чё ты мнешься... Я тебя сейчас с рыбой моей сладенькой-золотенькой знакомить буду...

Павел стоял и с неожиданным для себя интересом наблюдал эту историческую встречу... друзей, по-видимому. Он заметил, как барменша, распахнув объятия, в последний момент, кажется, передумала обниматься, крепко прихватила Володьку за предплечья, удерживая на расстоянии, и, вся сияя от радости по поводу такой счастливой встречи, звонко чмокнула воздух возле его щеки. И Володька не порывался к большему интиму, он и тому, что ему обломилось, был искренне рад. Странно, удивился Павел. Сроду Макаров крохами не пробавлялся. Тем более – при столь очевидном и откровенном интересе. Влюбился старый греховодник, что ли? Во кино было бы...

Барменша отпустила Володьку, с широкой улыбкой мельком глянула на Павла, повернулась к обоим спиной и пошла к стойке бара. Ох, ну и походочка у нее... Такую походку Макаров называл «все – за мной!». Да уж, та еще штучка... Но при всем при том в нем вдруг почему-то шевельнулось подозрение: смеется она над ними, вот что. Издевается, змея длинноногая. Длинноногая змея зашла за стойку, сняла с полки пару бутылок и обернулась, на несколько секунд застыв в позе чемпиона на пьедестале, – только с бутылками вместо кубков в высоко поднятых руках.

– Господа желают что-нибудь экзотическое? – многозначительно осведомилась она, улыбаясь, блестя зубами, играя бровями и ямочками на щеках, дразняще покачивая бутылки.

Зеленый пиджак одобрительно крикнул и стукнул стаканом о стойку:

– И мне, Зоенька! Чего-нибудь такого... Ну, ты сама знаешь. И себе сделай, угощаю!

– Ах, Толь Толич, что вы, в самом деле! Я же знаю, сколько это стоит... Я просто подавлюсь такими деньгами!

– Наливай, не разговаривай! – Зеленый пиджак, похоже, давно уже гулял. – Я плачу! И все, и никаких проблем, деньги – пыль...

– Спасибо, Толь Толич, – растроганно проворковала она. – Мне тогда шоколадку лучше, ладно? Шоколад – моя слабость. Почти е-дин-ствен-ная...

Да издевается, конечно. Павел искоса глянул на Макарова – нет, тот вроде все за чистую монету принимает. Как, впрочем, и Зеленый пиджак. И оба тают от восторга. Прямо лужами растекаются перед этой... штучкой. Перед этой раскрашенной, растрепанной, непристойно одетой – вернее, раздетой, – немыслимо вульгарной куклой.

– Какую шоколадку? – Зеленый пиджак шел вразнос. – Я тебе коробку самых дорогих... какие у тебя самые дорогие? Коробку... нет, две коробки конфет и... ты чего еще любишь?

– Ах, Толь Толич, я больше всего люблю... таких солидных гостей, как вы! – Она облокотилась о стойку, наклонилась, демонстрируя то, что мог открыть пытливому взору довольно глубокий вырез ее маечки в обтяжку.

Павел даже зажмурился и головой потряс. Это уже перебор. Он мог спорить на свою только что с таким трудом купленную квартиру, что эту сцену он уже в каком-то боевике видел. Один к одному, даже интонации у нее те же, киношные.

А зеленый придурок довольно ржал, и Макаров довольно ржал и уверял ее, что они тоже очень солидные клиенты, хоть этот зануда только молоко пьет, молокосос, но пусть рыба золотая его простит, этот мерзавец в принципе мужик хороший, просто отличный мужик, а что молоко – так у каждого свои недостатки, он же не назло, а исключительно по глупости...

– Вы что, действительно не пьете? – Золотая рыба обернулась к Павлу и, как ему показалось, даже обрадовалась. Почему бы это? Ее задача – как можно больше спиртного продать... – Я вам могу молочный коктейль сделать. С шоколадом. Хотите? Или фруктовый. Раз-

ные соки и ягодки свежие. Вы малину любите? У меня малина есть за-ме-чательная! Только что с куста...

Павел смотрел на нее с подозрением. Человек, пьющий молоко или сок, солидным клиентом ни в одном подобном заведении считаться не мог. Что это она таким мелким бисером рассыпается? Может, у них здесь молочный коктейль стоит столько же, сколько бутылка коньяку?

– И мне с малиной, – подал голос Зеленый пиджак. – И всем с малиной. Угощаю. Всех!

– Ах, Толь Толич, и как вы только не разоритесь, я удивляюсь, – барменша тут же просияла и живо обернулась к нему. – Вы такой щедрый, я даже думаю, что вы какой-нибудь нефтяной олигарх!

А ведь она только что другим голосом говорила, спохватился Павел. Вот только что, две секунды назад, когда ему про фруктовый коктейль рассказывала. Он глянул на Макарова – тот сидел на высоком табурете, скалил зубы и не отрываясь следил, как эта Зоя что-то шустро смешивает, взбивает, добавляет и разливает по бокалам. Володька просто млел и ничего необычного, по-видимому, не заметил. Пиджак тоже откровенно млел. Чего хоть они млеют? Ведь не девка, а сплошная стыдобища... Даже если ее отмыть с песочком и одеть во что-нибудь нормальное – и тогда вряд ли человеком станет. Кукла с программным управлением.

Вот странно, он никак не мог сообразить, какое у нее лицо. Хотя что тут странного – на физиономии полкило краски, наверное. Сколько ей может быть лет? Где-нибудь около тридцати, скорей всего. Плюс-минус пятилетка... Нет, судя по фигуре, ей и двадцати не дашь. Но судя по повадке – все сорок. Интересная штучка...

Ничего интересного. Все эти штучки примерно одинаковые, от шестнадцати до пенсии. Ну и черт с ними.

А что это он злится-то? Ему-то какое дело до них до всех? Ему эта Зоя абсолютно безразлична. Уже хотя бы потому, что Макаров перед ней слюни пускает.

Зоя поставила на стойку бокалы с каким-то пойлом, быстро бросила в каждый соломинку, насадила на края по ломтику киви и подвинула один Павлу:

– Это – для вас. Похвалите, если понравится, ладно?

Опять нормально говорит. Если глаза закрыть, так и за приличную женщину принять можно.

– Вам нехорошо?

Павел открыл глаза и встретился с ней взглядом. У куклы оказались внимательные, добрые, умные и встревоженные глаза.

– Меня зовут Павел, – сказал он, не отводя взгляда от ее глаз. – У вас глаза красивые.

Она растерянно моргнула, как-то очень по-детски приоткрыв не по-детски густо намазанные губы, хотела, кажется, что-то ответить, но тут Макаров воткнулся в обычной своей манере:

– Не, ну ты, Паш, даешь! Глаза красивые! А больше ничего ты у Зоеньки не заметил? Эх ты... У рыбы моей сладенькой что зад, что фасад...

Макаров потянулся через стойку, но сладенькая рыба снова каким-то неуловимым, скользящим движением миновала его руку и кокетливо засмеялась:

– Ах, Вова! Такой комплиментщик!

У нее получилось: «Ах, Фофа! Тыкой кымплименшчик!» Павел опять внимательно пригляделся. Ярко-алый рот у нее – до ушей. Ямочки на щеках играют, между крупных белых зубов дразняще мелькнул острый кончик розового языка... А глаза стали холодные, настороженные и брезгливые-брезгливые... А ведь Макаров-то прав – штучка действительно, кажется, интересная.

В бар торопливо вошла молоденькая белокурая куколка в униформе заведения – темно-синяя прямая юбка до колен, белая строгая блузка с длинными рукавами, сине-белый клетчатый жилет подчеркнуто старомодного фасона и черный галстук-бабочка. И туфли у нее

были нормальные, обыкновенные черные лодочки на не очень высоком каблуке. Прикид тоже, конечно, не для бомонда, но все-таки не красные кожаные шорты.

Куколка зашла за стойку и быстро зашептала что-то Зое на ухо. Павел только сейчас заметил: а ведь Зоя эта с него ростом будет, пожалуй. Вон как ей приходится наклоняться над куколкой... Точно, его роста: выпрямилась – и сразу заметно, что ее недовольные глаза почти на одном уровне с его глазами.

– Толь Толич! Вова! Павел! Я через несколько минут! – Зоя вышла из-за стойки и размашисто зашагала к двери.

Интересно, а эта походка как называется? Наверное, «всем – отстать!».

– Вы, мои рыбы золотые, с Анечкой повежливее тут...

Павел смотрел ей вслед, пока дверь за ней не закрылась, и даже потом еще смотрел, пока не услышал голос Анечки:

– Господа желают что-нибудь особенное? У нас есть фирменный коктейль, очень рекомендую. Все гости хвалят.

Хорошая барменша, наверное. Нормальная барменша. Ничего общего с этой оглоблей в красных трусах.

– Давай фирменный, лапуса моя, – покладисто согласился Макаров. – Нет, ты фирменный – мне, а этому черномазому – молочка кипяченого... Паш, ты куда?

– Я сейчас, – на ходу бросил Павел, торопливо выскакивая из бара и слыша, как издевательски заржал Макаров. Ну и черт с ним.

Куда она могла пойти? Из небольшого холла, не считая входной, вело четыре двери – в бар, в ресторан, в игровые залы и в служебные помещения. Вот эта самая дверь в служебные помещения только что захлопнулась. Посторонним, надо думать, вход запрещен. А кто сказал, что он посторонний? Может, он на работу наниматься пришел. Например, вышибалой...

А, нет... Вышибала у них уже есть, оказывается. Ничего себе лось. Вряд ли они такого променяют даже на Шварценеггера, не то что на всяких там с улицы... Молоденький, румяный, улыбчивый лось двухметрового роста как-то незаметно возник прямо перед Павлом, закрывая форменным клетчатым жилетом шестьдесят восьмого размера служебный вход.

– Вы чего-нибудь желаете? – доброжелательно спросил он, похлопывая наивными светлосерыми глазками. – Чем могу помочь?

– Девушка, – быстро и деловито заговорил Павел. – Зоя. Из бара. Она ушла, а я должен остался, а другая пришла – и не знает, сколько. Что ж, не расплатившись уходить, что ли? Я к этому не привык.

– А, – сказал двухметровый лось и опять похлопал глазами.

Не такие уж у него наивные глаза, оказывается. На самом дне этих прозрачных детских глаз Павел заметил понимание и легкую усмешку.

– Вы не беспокойтесь, Зоя скоро вернется. Ее в ресторан позвали.

– Зачем? – не удержался Павел.

– А вы зайдите, посмотрите, – предложил парень, уже совсем откровенно улыбаясь. – Она через минуту там будет.

Павел подумал, пожал плечами и пошел к двери, которая вела в ресторан.

Он вошел как раз в тот момент, когда небольшой оркестр – аккордеон, ударник и две гитары – только-только начинал шлягер его детства «Во французской стороне, на чужой планете». Зал перестал пить, закусывать и галдеть, даже вилки не звякали, даже зажигалкой никто не щелкнул, и все до единого с выражением радостного ожидания повернулись к небольшой, но довольно высокой эстрадке в дальнем конце. Что это они? Неужели у всех до одного здесь одни и те же музыкальные вкусы?

А, нет. То есть вкусы-то одни, но вряд ли музыкальные. Музыканты, не переставая играть, отступали назад, освобождая пространство эстрады, и на это пространство по боковой лест-

нице не спеша поднималась Зоя. Теперь на ней, в дополнение к черной блестящей маечке в обlipку, красным кожаным шортам, черным ажурным колготкам и черным же туфлям на ужасающей платформе и еще более ужасающих каблуках, были огромная красная крупно-чеистая шаль с толстыми длинными кистями, пучок лохматых красных цветов в волосах за ухом и большие круглые очки – вернее, черная пластмассовая оправа от очков. Приделась на выход, стало быть.

Она не просто поднималась по ступенькам, а что-то делала при этом такое – ногами, руками, спиной, плечами, шеей, даже абсолютно неподвижным, застывшим в тупом упрямстве лицом, – что было совершенно ясно, как она этого не хочет, как ей противно то, что ее ожидает, как ее сюда просто на веревке тянут... Павел нахмурился. Ну не нравится тебе – и не выходи позориться перед народом. Не на веревке же, действительно, тянут...

Зоя поднялась на возвышение, не глядя в зал, неохотно сделала под музыку несколько шагов – шаг вперед, два шага назад, – остановилась посреди эстрады спиной к залу, опираясь левой рукой о бедро, запустив пальцы правой в шевелюру под охапкой красных цветов, будто невольно подрагивая коленом в такт музыке, слегка притопывая носком туфли... Наверное, она что-то такое показала музыкантам мимикой, потому что все они дружно расплылись в улыбках, засверкали глазами, затрясли нечесаными гривами, а ударник от полноты чувств рассыпался по своим тарелкам-барабанам восторженной дробью сложнейшего рисунка... Только что лбом в барабан не бил. Ресторан возбужденно шевельнулся, вздохнул и опять замер.

Зоя начала танцевать. Вообще-то она начала танцевать еще на нижней ступеньке лестницы, ведущей на эстраду, сообразил Павел. Это она песню так танцует. «Предстоит учиться мне в университете...» Это она показывала, как ей не хочется на чужую планету. Как ей невыносима мысль о расставании с друзьями и подружками. «Сердце бедное свело болью и печалью...» До чего выразительно танцует. Гибкая, как веревка. Потрясающее тело. Невероятное тело. Просто не человек, а форель на перекате. Рыба моя золотая... И ведь что удивительно – она, если вдуматься, почти не двигалась с места. Но как раз вдуматься в этот нюанс не было никакой возможности, потому что этот странный танец-пантомима напрочь отшибал способность думать, приковывая, завораживая, вгоняя в транс, как танец кобры под дудочку факира. Павел однажды видел этот фокус. Змея поднималась из корзинки, неуловимо плавно разворачивая кольца, скользяще текла вверх, слегка покачиваясь из стороны в сторону, и взгляд у нее был неподвижный, холодный и презрительный – ну, точно такой же, как у Зои...

А танец-то изменился! Эта змея уже незаметно вытекла из корзины, уже освободилась от власти факира, вырвалась на волю и стала опасной. Уже не она двигается под музыку, а музыка послушно и почти испуганно следует за ритмом ее танца, вон и музыканты опасливо жмутся в стороны, но продолжают играть, как замороженные, спеша за ней, догоняя ее, боясь отстать... И она уже даже не змея, а вообще черт знает что такое, фурия какая-то, стихийное бедствие, причем буйнопомешанное стихийное бедствие. В каждый такт она укладывала полдюжины движений – руками, ногами, плечами, головой, шалью этой дырчатой... Шаль летала вокруг нее, над ней, стелилась по полу, трясла кистями перед восторженными физиономиями зрителей – Павел только сейчас заметил, что к эстраде незаметно подтянулся народ из тех, кто заказывает музыку. Некоторые просто на эстраду деньги кидали, некоторые тянули к Зое лапы с зажатыми в них бумажками. Ну да, ради этого и было затеяно все представление.

Павел тряхнул головой, медленно приходя в себя, оглянулся – зал орал, хлопал в ладоши и всячески соучаствовал в действе. Массовый психоз. Сейчас все будут заказывать еще по двести пятьдесят, а потом еще, а потом потребуют, чтобы она им еще сплясала... Для того и держат ее здесь. Что ж, очень грамотно. Молодцы. А ему давно пора быть дома.

Но он не удержался, глянул на нее еще раз – последний раз, все равно он сюда больше никогда не придет, так почему бы последний раз не глянуть...

Танец опять изменился. Теперь это было что-то среднее между ламбадой, канканом, забытым нынче твистом и разухабистым трепаком. Это было вызывающе вульгарно. Это было такое безобразие... Толпа у эстрады ревела от восторга, заглушая музыку, и все новые восхищенные зрители вскакивали из-за столов, топали к эстраде как носороги, натыкаясь друг на друга, на официантов и на подвернувшиеся на пути столы и стулья.

Павел поморщился, отвернулся, пошел к дверям, но опять остановился, оглянулся невольно, ловя взглядом это дрыгоножество... И вдруг неизвестно почему совершенно ясно понял: а ведь она действительно смеется над ними всеми. И танец этот ее непристойный – просто очень откровенная карикатура на то, что нынче показывают по всем телеканалам во всех шоу. До такой степени откровенная, что и не поймешь сразу, что это карикатура. И выполненная на таком уровне... Павел видел однажды шарж очень талантливого художника на очень некрасивого – самого по себе – человека. Шарж был невероятно точен, немножко зол и – прекрасен в своем безобразии. Как танец этой странной барменши. Интересная штучка...

Танец оборвался резко, будто его выключили, – и музыку, и движения одновременно. Тоже, наверное, все специально рассчитано – вон как толпа взвыла, сейчас они последнее готовы отдать, только бы она еще поплясала. Как наркоманы за свою отраву... Трое даже на эстраду полезли. Сейчас ее шаль на сувениры рвать будут. Или автографы просить? Ну да, звезда эстрады.

Нет, похоже, не обломится сегодня фанатам автографов. Вон как звезда эстрады от них шарахнулась... И музыканты сразу кинулись ей на выручку, выступили вперед, спрятали за собой. И какой-то амбал в форменном клетчатом жилете – еще один вышибала? – взялся ниоткуда, поймал самого активного любителя искусства в могучие объятия, заботливо помог спуститься с эстрады. Любитель искусства брыкался и тряс пачкой сотенных, что-то требовал и обижался.

А Зои там уже не было. Оставила на полу свою дырчатую шаль, эту рыбачью сеть, этот плащ матадора, а сама незаметно исчезла в общей суете. Зрители негодовали.

Один из гитаристов взял микрофон и шагнул к краю эстрады:

– Господа! Зоя не будет больше танцевать. Кто-то из вас ее обидел.

Шум сразу стих, и в напряженной тишине громко прозвучал молодой, почти мальчишеский, пьяный голос:

– Ды ла-а-адно тебе! Обидели ее... За всё заплачено! Вот...

Парень бросил к ногам гитариста несколько смятых бумажек, а тот тяжело глянул на него и с подчеркнутым сожалением сказал в микрофон:

– Кто-то из вас так сильно обидел Зою, что она больше не будет танцевать. Может быть, вообще больше никогда не будет...

Павел повернулся и пошел к выходу из ресторана. Наверняка отработанный прием! Знаем мы этих интересных штучек с их интересными штучками. Покочевряжится маленько, подождет, когда еще сотню-другую под ноги кинут, – и выйдет. Ему на это наплевать. Ему давно домой пора.

Он вышел в холл, остановился, раздраженно раздумывая, предупредить Макарова, что уходит, или фиг с ним... И тут услышал за дверью, ведущей в служебные помещения:

– Скотина. Мерзавец. Подонок. Гадина. – Голос Зои. – Не могу больше. Рыла эти пьяные...

– Не плачь. – Голос вышибалы с наивными глазами. – Хочешь, я ему грабли поломаю? Не будет протягивать...

– Перестань, Андрюш, – слегка раздраженно сказала Зоя. – Он не будет – другой кто-нибудь сунется. Какая разница? И грабли ломать ему не надо – Семеныч обидится. Этот ублюдок чуть не каждую ночь здесь... Прошлый раз двенадцать штук продул, представляешь? Такой

клиент – а ты грабли ломать. Колготки порвал, сукин сын. И синяк уже вылез... Скотина. Гадина. Подонки.

– Поломаю я ему грабли, – хмуро сказал Андрюша. – Потерпит Семеныч. Не плачь, Зой... Куда я платок дел? А, вот... Возьми, у тебя глаза размазались.

Павел стоял, затаив дыхание, и некоторое время слушал неясный шорох за дверью. Она что, правда плачет, что ли? А голос совершенно спокойный.

– Так нормально, – сказал наконец Андрюша. – А грабли я ему все равно поломаю.

– Не надо, – устало сказала Зоя. – Вот еще, руки марать... Ты вот что, ты лучше этому гаду насчет Сережи намекни. Что-нибудь вроде того, что, мол, не дай бог, Зоя Серому пожалуется... Ну, ты сам знаешь, как лучше.

– Уж я намекну, – пообещал Андрюша. – Я ему скажу, что Серый как раз за тобой приехал. В машине ждет. Сказать?

– Скажи... – Зоя шмыгнула носом. – А он правда приехал?

– Машина стоит... – Андрюша помолчал, вздохнул и добавил: – Может, правда Серому сказать? А то вообще уже...

– Боже упаси, – торопливо перебила Зоя. – Он такое устроит, что... Боже тебя упаси! Поклянись, что не проболтаешься!

– Ладно, – неохотно согласился Андрюша. – Подожди здесь. Ребята, наверное, бабки разложили уже. Сейчас я сам твою долю принесу, не ходи туда.

– Спасибо, Андрюш. – Зоя опять шмыгнула носом и чертыхнулась сквозь зубы. – Ух ты, вот это синяк... Интересно, сколько нынче набросали. Мне послезавтра платить в трех местах... Ой, забыла! Я в бар зайду, у меня там целый пакет всякого добра набралось. От лысого Кеши на двести, от двух случайных старичков почти на полторы и от Толь Толича две коробки конфет. Представляешь?

– Нормально, – сказал Андрюша таким тоном, будто хотел утешить. – Все нормально, Зой, не бери в голову. Они что – последнее отдают? Все равно пропьют или в карты продуют. А тебе на дело... Ладно, я пошел, сейчас принесу...

– Плащ захвати, – чуть громче сказала Зоя. – Он в приемной, у Катьки в шкафу.

Андрюша что-то неразборчиво ответил издали, Павел понял, что Зоя за дверью осталась одна, и, совершенно не представляя, зачем он это делает, шагнул к этой двери, взялся за ручку и почти уже потянул ее на себя, но тут услышал тихое яростное бормотанье Зои:

– Гады. Мерзавцы. Подонки. Пьянь подлая. Сволочь бессовестная.

Он замер, невольно улыбаясь ее по-детски сердитому тону и машинально отмечая, что выбор ругательств у нее, как ни странно, довольно ограниченный. При такой-то профессии могла бы, наверное, чему-нибудь и покрепче выучиться. Галина, например, всю жизнь в издательствах проторчала, а матюгалась, как пьяный сантехник.

– Гадость гадкая! – в последний раз донеслось из-за двери с выражением усталого отвращения.

Дверь резко распахнулась, едва не стукнув его по лбу – он едва успел отступить.

Зоя остановилась на пороге, растерянно глядя на Павла. И он глядел на нее – прямо в ее сердитые заплаканные глаза, обведенные серой тенью не до конца стертой расплывшейся косметики. Густо намазанные ресницы слиплись от недавних слез, а уголки ярко окрашенного рта были скорбно опущены – почти детское выражение горькой обиды. Одной рукой Зоя терла бедро над коленом, а другой – небрежно выдирала из прически красные растрепанные цветы.

– Что? – помолчав, спросила она совершенно спокойным, даже приветливым тоном. И улыбнулась от уха до уха. – Что случилось... э-э-э... Павел? Анечка не захотела молочный коктейль делать? Ай-ай-ай... А вот мы сейчас ее попросим как следует!

Опять она черт-те что из себя изображает. Зачем, спрашивается? Ведь только что плакала.

– Кто вас обидел? – ляпнул он, не успев подумать.

На миг в ее глазах мелькнула растерянность, почти испуг, а потом она зажмурилась, запрокинула голову и заливисто захохотала, закрывая лицо руками, приседая, раскачиваясь и с трудом вскрикивая сквозь хохот:

– Ой, не могу! Меня – обидели? Ой, умру сейчас... Обидели?! Меня! Ой, кому сказать – не поверят!

Это было сделано очень натурально. Однако – сделано. Люди, которым весело, в жизни так не смеются. Так смеются на сцене хорошие актеры – очень красиво, очень заразительно, так, чтобы зрители поверили. Павел никогда не любил театр.

Он минуту молча смотрел, как она хохочет, а потом опустил глаза, потому что больше не мог на это смотреть... И тут же увидел жуткий багровый синяк, светящийся сквозь драный черный ажур колготок. Вот черт. Скотина. Ублюдок. Если Андрюша с наивными глазами не ломает этому подонку грабли, он, Павел, сам этим займется.

Зоя быстро закрыла синяк ладонью, и Павел поднял глаза. Зоя уже не смеялась. И даже не улыбалась. Более того – она хмурилась и смотрела на него холодно и подозрительно.

– Кто?! – злобно рявкнул Павел и, заметив, как в глубине холодных глаз что-то дрогнуло, попытался сказать спокойнее: – Зоя, вы должны сказать мне.

Она опустила глаза, передернула плечами и сердито ответила:

– Какая разница?... Глупости все это. Издержки профессии. А потом – вам-то до этого какое дело?

А правда – ему-то до этого какое дело? Ему уже два часа назад пора было возвращаться домой. А лучше бы и вовсе не тащиться сюда с Макаровым. И никогда не видеть эту Зою с ее ужимками за стойкой бара, с ее сумасшедшим танцем, с ее багровым синяком на нежной, как у ребенка, коже... Какое ему до всего до этого дело?

– Не знаю, – честно сказал Павел не так ей, как себе. – Я пока не знаю, какое мне дело... Но какое-то, наверное, есть. Вы не хотели бы сменить профессию?

– Какую профессию?

Зоя смотрела ему в глаза своими заплаканными глазами, и теперь взгляд ее был немножко насмешливым, немножко снисходительным и очень, очень уверенным. Павел вдруг смутился и, давя в себе это смущение, подчеркнуто оценивающе оглядел ее с ног до головы, сухо усмехнулся и довольно резко ответил:

– Да вот эту... профессию.

– А у вас есть более выгодное предложение? – вкрадчиво мурлыкнула она, слегка подавшись к нему, и заулыбалась, заиграла ямочками на щеках, заблестела зубами, запустила пятерню в буйную гриву, а другой рукой оперлась на вызывающе изогнутое бедро. Поразглядывала одереженевшее лицо Павла холодными глазами, помолчала и вздохнула: – Нет у вас более выгодных предложений. Жаль. Н-ну, ладно, не смею больше задерживать. Приятно было познакомиться.

Она шагнула вперед, заставляя его отступить, закрыла за собой дверь и пошла через холл к бару своей шаржированной походкой, все так же опираясь одной рукой о бедро, а другую запуская в прическу, извиваясь и покачиваясь... Ей очень пошел бы длинный тигриный хвост. При такой походке обязательно нужно хищно и угрожающе дергать хвостом из стороны в сторону. Черт его дернул притащиться сюда...

Дверь бара закрылась за Зоей, тут же открылась дверь за спиной Павла, и голос лося Андрюши отвлек его от зоологических ассоциаций:

– Чем могу быть полезен?

В голосе лося Андрюши звучала настороженность и даже прикрытая казенной вежливостью угроза. Павел обернулся и минуту молча рассматривал круглое румяное лицо и прозрачные детские глаза, которые без выражения в упор уставились на него.

– Кто Зою обидел? – спросил Павел, серьезно глядя в эти прозрачные глаза.

В глазах Андрюши на миг появилось какое-то выражение, но Павел не успел понять – какое. Андрюша отвернулся, задумался, наморщив лоб и оттопырив нижнюю губу, поскреб стриженую макушку и наконец неохотно буркнул:

– Да там... козел один. Косой в дым. Или на колесах.

– Ты мне его покажешь, – сказал Павел без малейшего намека на вопрос.

Андрюша быстро глянул на него и опять отвел глаза:

– Нет, его увезли уже...

– Куда? – нетерпеливо спросил Павел, отчетливо сознавая, что ведет себя в высшей степени глупо.

– Так я ж говорю – косой совсем... Вообще не рубит... Короче, упал и... это... в травмопункт его повезли.

Теперь детские глаза Андрюши с явным ожиданием уставились на Павла.

– Быстро, – удивился Павел.

– А мы на своей возим, – объяснил Андрюша невинно. – Мы «скорую» не вызываем. И ментов не вызываем. От них только пыль... Оно нам надо? У нас своих тачек полный карман.

– Я не про это. Я про то, что быстро этот козел... травмировался... – Павел помолчал, с интересом разглядывая двухметрового Зоиного защитника, и деловито спросил: – Что там с ним? Грабли поломаны, что ли?

– Нет, – с сожалением сказал Андрюша. – Поломаны – это вряд ли. Хотя откуда я знаю? У меня рентгена нет. Может, немножко и поломаны... Мне показалось, там только ушибы. Но хорошие – недели две морда черная будет. А потом – как повезет. Может – зеленая, может – желтая...

Андрюша рассказывал все это совершенно хладнокровно, даже голоса не понижая. Павел рассматривал свежую ссадину на костяшках пальцев правой Андрюшиной руки и думал о том, что в любом другом случае эти сбитые костяшки и этот спокойненький рассказ двухметрового амбала вызвали бы у него, Павла, омерзение. Ему приходилось драться – и даже чаще, чем хотелось, – но он никогда не избивал кого-то слабее себя, и уж тем более – никогда не смог бы говорить об этом вот так безмятежно. Багровый синяк на нежной Зоинной коже... Тот козел будет две недели ходить с черной мордой. Ну и заведение. И на кой же черт его сюда занесло?

Двухметровый Андрюша перехватил его взгляд и по-детски спрятал руки за спину.

– Кто такой Серый? – спросил Павел, совсем не ожидая ответа.

– Серый – самый крутой у нас, – помолчав, серьезно ответил Андрюша. – Он... в общем, с ним никто не связывается. Ни братва, ни деловые, ни черные... Вы приезжий, что ли?

Сейчас в его речи не было и намека на блатные интонации, и Павел отметил это как признак серьезности характеристики «самого крутого» здесь Серого. Ну, крутой и крутой. Его это не интересовало. Его интересовало, почему этот Серый заезжает за Зоей. Может быть, Андрюша и на этот вопрос ответил бы, но Павел почему-то не решился спросить. Именно – не решился. Это раздражало. Сроду он за собой нерешительности не замечал. Ладно, можно и самому все узнать. Если, конечно, ему будет нужно.

Дверь бара открылась, выпуская очень юную и очень пьяную парочку, Павел оглянулся и успел заметить, что Зоя идет от стойки бара к двери, на ходу оглядываясь и что-то кому-то говоря, улыбаясь, мотая своей гривой и виляя бедрами. И закрывая синяк на бедре большим пестрым пластиковым пакетом, доверху чем-то набитым. Сейчас она выйдет в холл, возьмет у Андрюши «свою долю» за пляски в ресторане, наденет плащ и уедет с Серым.

И Павел никогда ее больше не увидит. Вот и хорошо. И наплевать ему на этого Серого. Пусть она катится со своим Серым на все четыре стороны...

Интересно, а в какую сторону они покатаются, действительно? Второй час ночи. Значит, или к нему домой – или к ней домой. Машина под рукой, так что вполне можно проследить... Просто так, из академического интереса. Никаких других интересов у него в этом деле нет.

Так, время от времени напоминая себе, что никаких других интересов у него в этом деле нет, Павел уже быстренько прикидывал план действий. Андрюша забыл принести Зоин плащ, поэтому минут пять форы есть: пока за плащом будут ходить, да пока деньги Андрюша ей передавать будет, да пока она их сосчитает... За это время вполне можно успеть тихо выйти к машине, без паники завестись, вылезти со стоянки – страшно неудобно все здесь устроено – и даже, может быть, получится вычислить машину этого Серого и незаметно поглядеть со стороны на него самого. Просто интересно. Почему бы и не поглядеть на самого крутого в этой дыре Серого, с которым абсолютно никто связываться не хочет? Если не считать Зои, конечно.

Павел нейтрально кивнул Андрюше, спокойно повернулся и неторопливо пошел к выходу, всей кожей ощущая момент, когда Зоя вышла из бара в холл. Стараясь не задерживать шаг и не оглядываться, он сунул в руку неподвижному, как восковая кукла, швейцару первую попавшуюся в кармане пиджака купюру и, выходя в услужливо распахнутые двери, успел услышать голос Зои:

– Плащ ты, конечно, забыл? Ладно, стой смирно, я сама сбегаю...

Так, все идет по плану. Интересно, какая из машин – Серого? Скорей всего – вон та километровая акула, раз он такой крутой. Но в акуле никто не сидит, да и, кажется, эта машина уже стояла здесь, когда они с Макаровым приехали. Впрочем, и все остальные тоже стояли. Кроме одной, но такая таратайка вряд ли принадлежит самому крутому. Да и не самый крутой на ней ездить постеснялся бы, наверное. Павел прошел к своей «десятке», намеренно долго открывал дверцу, осторожно поглядывая по сторонам, хотя осторожничать было, кажется, незачем – кроме двух охранников, курящих у ворот метрах в двадцати от него, нигде никого – ни на стоянке, ни во дворе, ни на террасе. Наверное, машина Серого ждет за воротами, на улице. Павел сел за руль, закрыл дверцу и вставил ключ в замок зажигания, собираясь потихоньку вырулить к воротам. Там он наверняка успеет увидеть, в какую машину сядет Зоя, а если повезет – то и проследит до ее дома. Или не до ее дома. А потом? Ах, черт... Павел скрипнул зубами, давя внезапную и оглушающую вспышку яростного гнева, сжал кулаки, пытаясь успокоить ставшие непослушными руки, и принялся про себя считать до десяти.

И поэтому опоздал. Дверь казино широко распахнулась, из нее почти выбежала Зоя, смеясь и что-то говоря идущему за ней швейцару. Швейцар сейчас несколько не был похож на восковую куклу. Швейцар сейчас был похож на заботливого папочку, или на дядюшку, или, точнее, на дедушку, который квохчет над любимой, но не очень послушной внучкой. Павел тихо опустил стекло и напряженно прислушался.

– Оденься, глупая, – рокотал гулкий бас швейцара. – Мало ли что – лето! Такое лето хуже осени... Да и ночь сырая. Оденься, кому говорю! Дождь недавно прошел, а ты голяком шагаешь...

Зоя ответила на бегу, но швейцар поймал ее за локоть, отобрал пластиковый пакет и опять загудел:

– Мало ли что – в машине! Чем это в машине теплее? И окна пораскрываешь, знаем мы вас... Так сквозняком прохватит, что... Одевайся давай, не серди меня.

Зоя опять засмеялась, жестом фокусника выхватила из пакета в руках швейцара какой-то сверток, встряхнула его и, крутанувшись на одной ножке, в секунду оказалась завернутой в длинный, почти до пят, легкий светло-серый плащ.

– То-то, – ворчливо сказал швейцар, отдавая ей пакет. – Иди с богом, привет своим передавай.

Зоя браво козырнула, попутно выдернула из волос красные цветы, так и висевшие над ее ухом на честном слове, сунула их в нагрудный карман дедушки-швейцара и размашисто

зашагала к стоянке, держа пакет в охапке. Плащ развевался за ней, как знамя на ветру. Жирафа с крыльями. Нет, летучая мышь с ногами. Ну вот, сейчас и посмотрим, какая машина ее здесь ждет.

Павел еще ниже опустил стекло и повернулся к окну правым ухом – правое ухо у него слышало намного лучше. Впрочем, если она сядет в ту километровую акулу, он и правым ничего не услышит, слишком далеко. А может, и слышать-то нечего будет, сядет молча и...

Зоя, не останавливаясь, прошла мимо длинного серебристого автомобиля неизвестной Павлу марки, мимо высокого, как дом на колесах, джипа с люстрами, антеннами и шипастыми решетками, мимо всех прочих «БМВ» и «ауди», и теперь шла... к нему? Нет, мимо него она тоже прошла, даже не глянув в его сторону. Она глядела в сторону той каракатицы, которая торчала метров на семь ближе к воротам и которую никак нельзя было заподозрить в принадлежности к транспорту крутого Серого. Правая дверца каракатицы распахнулась навстречу Зое, в салоне вспыхнул слабый свет, но Павел почти ничего не успел рассмотреть – так, какой-то невыразительный силуэт человека за рулем, маленького, тощенького, узкоплечего, с небольшой коротко стриженной темноволосой головой. Павел сумел бы разглядеть больше, но Зоя закрыла от него водителя своим безразмерным плащом. Черт, на вырост она этот плащ брала, что ли?

– Ты? – донесся до него голос Зои.

Вот интересно, а кого она ожидала увидеть? Водитель ответил что-то, что – Павел не услышал, а Зоя сказала недовольным тоном:

– Зачем ты так поздно едешь? И опасно, и вообще я сама прекрасно добралась бы. Ребята подбросили бы. Или на такси. У меня сегодня денег – вагон...

Павел прижался левой щекой к спинке сиденья, изо всех сил вывернул шею, ловя голос водителя правым ухом, но опять ничего не разобрал. А Зоя засмеялась, быстро села в машину и захлопнула дверцу. И пропала – Павел только сейчас заметил: стекла-то у этой керосинки тонированные. Потому он и не увидел раньше, что в этой машине кто-то есть. Ну-ну. Интересная керосинка.

Керосинка бесшумно снялась с места, круто развернулась и, пока Павел торопливо нащупывал ключ в замке зажигания, выскользнула из ворот, мигнув правым поворотом. Когда «десятка» Павла вынырнула на пустынную ночную улицу, габаритные огни керосинки светились уже кварталах в двух впереди. Однако... Реактивная оказалась керосинка.

Если бы не светофор на перекрестке перед площадью, Павел машину Серого ни за что не догнал бы. Вот тебе и каракатица. И пока эта каракатица законопослушно пережидала красный свет на совершенно пустом – ни машин, ни прохожих, ни ГАИ – перекрестке, Павел, приближаясь и на всякий случай чуть притормаживая, с интересом разглядывал странную машину и с недоумением размышлял, с чего бы это крутой Серый слушался какого-то светофора, тем более что в радиусе километра наверняка нет ничего такого, что помешало бы движению. С тем же успехом этот светофор можно было бы посреди Сахары воткнуть.

До машины Серого оставалось метров десять, но тут зажегся зеленый, и страхолюдная керосинка за пару секунд очутилась опять далеко впереди. Правда, сейчас же застыла у следующего перекрестка, дисциплинированно помигала правым поворотом и нырнула в почти не освещенный переулок. Павел очень боялся упустить этого летучего голландца, поэтому повернул, почти не снижая скорости, – и едва успел затормозить, заметив машину Серого под широкой аркой, ведущей во двор старого пятиэтажного дома сталинской постройки. А может быть, и еще более давней – вон окна какие, и круглые балкончики, и колонны у давным-давно закрытых парадных подъездов. Вот, значит, где Зоя живет. Или здесь живет Серый? Впрочем, какая разница? Они приехали. А он здесь что делает?

Машина Серого стояла под аркой, и никакого шевеления за очень темными стеклами заметно не было. Потом правая передняя дверца распахнулась, и из салона ловко выбралась

Зоя, оглянувшись на «десятку» Павла, вытащила свой пакет и, больше не оглядываясь, быстро пошла в глубь двора. Каракатица медленно тронулась за ней, вспыхнул дальний свет, и в конце светового коридора Павел заметил высокую обшарпанную дверь подъезда и две щербатые каменные ступени под ней.

Зоя пробежала по этому световому коридору, нырнула в подъезд, дверь за ней громко хлопнула, и свет фар погас. Машина Серого почти на месте развернулась и медленно всплыла под арку, навстречу Павлу. Ага, здесь живет Зоя. Надо думать, сегодня этот Серый оставаться у нее не собирается. Хорошо бы увидеть, в каком окне зажжется свет. Хотя, может, ее окна выходят вовсе не во двор, а на площадь. Но двор ближе, так что надо посмотреть сначала со двора... Сейчас Серый освободит арку, и тогда можно будет на минуту въехать во двор и...

Но Серый, кажется, не собирался освобождать арку. Странная машина остановилась прямо перед «десяткой» Павла, да и не остановилась вовсе, а незаметно, сантиметр за сантиметром, надвигалась на него уродливым радиатором с решеткой какого-то дикого фасона, с шипастым и шишковатым бампером, с ячеистыми фарами под длинными заостренными козырьками... Да что это за киношные фокусы, в самом деле?! Что хоть это за Серый такой?

Павел включил фары, но рассмотреть ничего не успел – в ту же секунду в лицо ему ударил сноп яркого, почти синего света. Он зажмурился и прикрыл глаза рукой. Однако... Похоже, у каракатицы на крыше стоит пара-тройка прожекторов с берегового маяка. Если вообще не лазерная пушка. Ай да каракатица.

Павел выключил фары, признавая превосходство противника, и тут же погас свет, бьющий ему в лицо. Зато медленно замигали подфарники – явно в каком-то ритме... Что это? Точки и тире. Очень медленно, будто нехотя, каракатица с темными стеклами, с мотором истребителя и с прожекторами маяка передавала ему неуверенным детским почерком, с паузами и ошибками: «ИДИ ДОМОЙ». И медленно, очень медленно, сантиметр за сантиметром, надвигалась на него своей страшной мордой.

«ТЫ КТО?» – просигналил Павел, не подумав, зачем вступает в этот дурацкий диалог. Может быть, слишком быстро просигналил, и собеседник не понял вопроса. А может, просто не снизошел до ответа. «ИДИ ДОМОЙ ИДИ»...

Нелепо медленные и неровные точки и тире опять замелькали перед Павлом, но вдруг передача прервалась, ровно засветились габаритные огни, и машина Серого, ловко вильнув прямо перед носом «десятки», вплотную обогнула ее, бесшумно рванула с места и, когда Павел оглянулся, уже поворачивала на перекрестке налево. Крутому Серому надоело с ним беседовать. Павел ощущал себя идиотом, попавшим на сцену в разгар действия какой-то сюрреалистической пьесы. Причем – попавшим по собственной глупости.

Вот интересно, откуда Серый знает, что Павел владеет азбукой Морзе? И сам Серый где этой азбуке научился? Уж очень не вяжется с образом нынешних крутых. Нынешние крутые и с обычной-то азбукой не особо дружат... И еще интересно, почему Серый вдруг взял и уехал. Без выяснения отношений. Или, может быть, он посчитал, что отношения уже выяснены?

Совершенно непонятно, кой черт понес его в это казино с Макаровым. Макаров! Его же, наверное, забрать оттуда нужно. Напился, надо полагать, как кактус в дождь. Вот еще забота на его голову...

Но Макаров, как ни странно, оказался не очень пьян. Но зато очень печален. Наверное, опять весь левый гонорар на рулетку выбросил. До чего же Володька дурной, зла не хватает. По черновым прикидкам Павла того, что Макаров пускал на ветер как минимум на трехкомнатную квартиру хватило бы. Да плюс на хорошую машину с гаражом. Правда, и трехкомнатная квартира, и машина с гаражом у Макарова и так уже были. Вот только в квартире Володька бывал не слишком часто. А за руль новенького ярко-красного «фиата» вообще ни разу не садился, кажется. Вот паразит, треснуть бы его по башке как следует...

– И не надо на меня орать! – с достоинством заявил Макаров молчащему Павлу, шумно и неловко устраиваясь на сиденье рядом с ним. – Не надо меня перевоспитывать! Ты-то сам святой, да? Вот где ты сейчас был? А? То-то... Ты думал, я не замечу? Слинял и не предупредил... Скотина ты, Пашенька. Лучшего друга бросил! И ради чего?..

Павел молчал, во второй раз вырuling со двора казино, и соображал, в какую сторону надо поворачивать. Макаров тоже замолчал, вздыхая и цыкая зубом, и наконец сказал примирительно:

– А за мной мог бы и не заезжать... Я бы и сам бы как-нибудь бы... Куда мы сейчас? Прямо к тебе, что ли?

– К тебе, – сухо ответил Павел, осторожно выбирая дорогу между выбоинами на асфальте. – Ты третий день в одном и том же ходишь. И пиджак дрянью какой-то заляпал. И галстук потерял.

– Начина-а-ется! – с отвращением гнусаво пропел Макаров и демонстративно отвернулся. – Нянечка ты наша заботливая! Арина Родионовна... Ротный старшина... Блокфюрер поганый... А галстук я не потерял. Я его в карман спрятал, чтобы не потерять. А пиджак не дрянью заляпал, а ликером. Прекрасный ликер, между прочим, только дорогой, собака...

– Я у тебя сегодня останусь, – прервал Павел макаровское бухтение. – У тебя в холодильнике что-нибудь есть?

– Нет, – виновато сказал Володька, подумал и с надеждой добавил: – Кажется, там банка консервов каких-то была еще. Ты правда останешься? Тогда я утречком в гастрономчик сбегать пораньше. Честное пионерское! Проснусь – и погнал...

– И во сколько же ты проснешься? – поинтересовался Павел с подчеркнутым сарказмом.

– Опять двадцать пять, – обиделся Макаров. – Во сколько надо будет – во столько и проснусь. Хоть в шесть ноль-ноль. Без проблем. Еще вопросы есть?

– Есть. – Павел подогнал машину к самому Володькиному подъезду, заглушил мотор и повернулся к Макарову. – Кто такой Серый, ты знаешь?

Макаров тарашил глаза, шлепал губами и молчал. Вмазать бы ему сейчас, паразиту... Если так дальше будет продолжаться – сопьется этот мерзавец, этот золотой человек, лучший, а может, вообще единственный настоящий друг Павла.

– Ты это брось, – наконец заговорил Макаров озабоченным и совершенно трезвым голосом. – Ты не вздумай связываться... Не, я серьезно. Ты Зою провожал, да? Во черт, я ж не предупредил... Привык, что все и так знают: глазами смотри, а руками – не трогай, а то... Серый – убийца. Шесть лет отсидел. Вроде как превышение самообороны, я не знаю... Но три труп – голыми руками. И еще четыре – на инвалидность. И на зоне, говорят, кое-кому шеи посворачивал, но это так, слухи. Там никто на него не настучал, и срок ему не добавили, так что, может, эти отморозки и сами как-нибудь шеи посворачивали, мало ли... Но здесь его боятся – прямо до поноса! Хотя он вроде никому ничего... Даже не угрожал. Да ему и не надо, все и так знают, что он и разбираться не будет, если что. Не понравился – и найдут потом твой изящный труп со сломанной шеей...

– Рэкетир? – прервал Павел тревожную скороговорку Макарова.

– Да ты чё? – удивился тот и даже засмеялся. – Рэкета у нас практически нет, так, если только к челнокам на барахолке кто примотается... Сдуру, шпана какая-нибудь мелкая... Рэкет у нас года два как завял. Между прочим, тоже из-за Серого. У него клуб свой, спортивный. Школа всякой борьбы, стрельбы и прочих единоборств. Все на законном основании. Тренеры классные. Детишки заниматься ходят. Дорого только... Так вот, однажды к нему в клуб пачка бугаев приперлась, целый джип, штук шесть, наверное. Ну, как водится: предлагаем охрану, цена разумная, а то мало ли что... Так Серый их, говорят, вежливо так в тренировочный зал пригласил – мол, давайте посмотрим, какие такие вы охранники... И выставил против них ребятишек из средней группы! Лет по пятнадцать-шестнадцать, пацаны совсем. Так пацаны

этих бугаев за полминуты раскидали. Честное пионерское! Мне один наш рассказывал, он сам видел, он тогда у Серого тоже занимался. Бугаи, конечно, взбесились, двое – за ножи, но тут старшие за них взялись. У Серого вообще компания еще та... Бугаев этих маленько помяли, а потом умыли, почистили и в тир отвели – показать, как ученики Серого сто из ста лупят. Из любого оружия, из любого положения и по любой мишени. И все, и спеклись бугаи. Больше никто к нему не приматывался. Звали, правда, на работу. И его, и его людей. Но те с криминалом не связываются. Да они и так неплохо зарабатывают – уроки, охрана банкиров всяких, сопровождение ценных грузов... В казино у Семеныча – тоже его мальчишки подрабатывают...

– Понятно, – перебил Павел. – А Зоя ему кто?

– А ты как думаешь? – саркастически осведомился Макаров и злобно фыркнул. – Двоюродная тетя Зоя ему! А он ей – внучатый племянник! – Он подчеркнуто противно захихикал, потом замолчал и вдруг сказал совершенно серьезно: – А вообще-то никто не знает, что у них там как. И спрашивать не ре-ко-мен-ду-ется. Понял? Вредно для здоровья. А ведь я тебя предупреждал! Предупреждал ведь, а? Зоя ему кто... Ишь ты... Лихо ветреное, вот кто ему Зоя.

Макаров посидел молча, опять вздыхая и цыкая зубом, и полез из машины, путаясь в ремне безопасности и раздраженно ругаясь сквозь зубы.

Глава 2

– Все в порядке, Том, езжай. Кто это был-то, ты заметила?

– Черт его знает. Вроде раньше не видала. Сейчас рассмотрю... – Томка вдруг злорадно хихикнула в трубку. – Вона, и он меня рассмотреть захотел. Фары включил, придурок... Ага, выключил. То-то. Слушай, Зой, это черный какой-то! К тебе сегодня кто в кабаке приматывался? Не Хаз-Булат удалой какой-нибудь?

– Никто не приматывался. – Зоя, прижимая трубку ухом к плечу, одновременно стаскивала туфли, вешала плащ и рылась в пакете в поисках кошелька. – Том, ты бы ехала, а? Опять ввяжешься во что попало, а Сережа меня винить будет. Поезжай, будь друг...

– Сроду я ни во что не ввязывалась, – с достоинством возразила Томка. – Слушай, тиреточка – это что?

– Не ввязывалась она! – рассердилась Зоя. – А сейчас ты что делаешь? Вот выйду и разберусь... Нет, лучше Сереже позвоню. Уезжай немедленно, кому говорю!

– Бессовестная, – жизнерадостно сказала Томка и опять хихикнула. – Все, уехала. Спокойной ночи. Ты завтра в клубе когда будешь?

– С двенадцати до трех. Зайдешь?

– Зайду. Тетку одну приведу. Ничего?

– Приводи, – сказала Зоя и вздохнула. – Все твои тетки больше двух недель не выдерживают.

– Ну и фиг с ними. Ты им кто – мать родная, да? Бери за полгода вперед, а там – глаза бы твои их не видели... Ладно, пока. А то я язык чуть не прикусила – колдобина какая-то попалась.

Зоя положила трубку, повесила наконец плащ, с наслаждением влезла в большущие растоптанные шлепанцы и оглянулась на едва слышный шорох за спиной. Ну конечно. Бдительный Федор, наверное, с самого начала здесь стоял и слушал, с кем это и о чем она по телефону разговаривает.

– Я тебя разбудила? – Зоя чувствовала себя виноватой. – Или ты вообще не ложился?

Федор молчал, поджав губы, и пристально разглядывал синяк у нее на ноге.

– Это так, ударилась об угол какой-то, – торопливо объяснила Зоя, перехватив его взгляд. – Ерунда, через пару дней ничего не останется. Что ты молчишь? Случилось чего? Или с детьми умаялся?

– Ничего я не умаялся, – надменно сказал Федор и вздернул подбородок. – Просто Манька долго не засыпала. Тебя все время требовала. Бросала бы ты это дело, а? Мать Стасика приходила, деньги принесла.

– Сколько?

– Тысячу.

– Ну вот! – Зоя наконец откопала в пакете кошелек и протянула его Федору. – А я сегодня почти две принесла. И полтонны всяких вкусностей. Неси пакет в кухню, чайку попьем. Только большие коробки не открывай, мы их на взятки пустим. Или на Аленкин день рождения съедим, да? Я сейчас, умоюсь только.

– Горячей воды не было. Я тебе в кастрюле согрел. – Федор вздохнул, подхватил пакет и зашлепал по коридору.

– Спасибо, мой хороший, – растроганно пробормотала Зоя. – И что бы я без тебя делала?

Действительно, что бы она делала без Феди? Горячей воды не было, а он и джинсы постирал – и свои, и ее, – и все детское барахлишко, и четыре больших махровых полотенца, и еще воды ей согрел. «Кастрюлю»! Целую огромную выварку, в нее ведра четыре входит, не меньше.

Ах, как же повезло с Федором, просто невероятно повезло, особенно в наше время, да еще с его внешними данными... Пойти свечку, что ли, в церкви поставить?

– Я думаю, надо мне свечку в церкви за тебя поставить, – сказала Зоя, входя в кухню умытая, успокоенная и умиленная видом уже накрытого к чаю стола. – Ты моя надежда и опора. И каменная стена. Пропала бы я без тебя совсем.

– Ага, – нескромно согласился Федор, наливая в чашки чай. Потом уселся напротив нее, долго молча возился, вскрывая пачку с печеньем, и наконец сказал: – А я без тебя.

– Что? – не поняла она.

– Пропал бы, – объяснил Федор невозмутимо. – Пропал бы я без тебя совсем, понимаешь? И все мы пропали бы.

– Солнышко мое, – с трудом сказала Зоя, стараясь не заплакать. – До чего же я тебя люблю... Знаешь, я даже не ожидала, что ты таким умным окажешься. Обычно красивые мужики умными не бывают... И эгоисты жуткие... И...

– А красивые бабы? – вкрадчиво спросил Федор, чуть улыбаясь и подрагивая бровью.

– Тьфу на тебя... – Зое тут же расхотелось плакать. – О красивых бабах я вообще ничего не знаю. Если хочешь знать, я вообще красивых баб не видела. Намажутся как не знаю кто, а умой ее – и никакой красоты, кроме мешков под глазами... – Она машинально дотронулась пальцами до лица и вздохнула. – Не надо бы мне столько перед сном пить... А, ладно, ведь не каждый день, правда? Иди ложись, а то опять не выспишься. Разбуди меня, если я будильник не услышу, ладно? Я утром успею обед приготовить. И еще чего, может, сделаю. Общественно полезного. А то все ты да ты... Это несправедливо.

– А кто сказал, что жизнь вообще справедлива? – процитировал Федор какого-то киногероя, встал, потянулся и пошел из кухни. – Ты с посудой не возись, пусть до утра постоит. Завтра я сам все сделаю. Свет выключить не забудь. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – пробормотала Зоя ему в спину. Ей опять захотелось заплакать.

Она еще минут пять посидела за столом, допивая остывший чай, а потом выключила в кухне свет и пошла к себе, на ходу мечтая о том, как сейчас ляжет в постель, уткнется в подушку, пахнущую сушеной ромашкой, натянет на себя прохладную льняную простыню и тут же уснет. И будет спать, спать, спать, спать... Пока не услышит будильник. Или – что гораздо вероятнее – пока Федор не начнет трясти ее за плечи, приговаривая, что будильник звенел уже час назад.

Зоя в темноте добралась до своей комнаты, в темноте же повозилась, отыскивая ночную рубашку и пытаясь определить, где у той «лицо», а где – изнанка, потом решила, что никакой принципиальной разницы нет, и если она наденет ночную рубашку не только наизнанку, но даже и задом наперед, никто ее за это не осудит. Спать, спать, спать...

И уже ныряя в постель, она ощутила свежий запах какого-то нового стирального порошка. Федор и постельное белье успел сменить. Господи, а ведь правда – как с Федором-то повезло! И что же она будет делать, если он уйдет? Может быть, это случится еще не скоро, но все равно когда-нибудь случится. Слишком уж он красивый, слишком уж он хороший. И умный, и добрый, и вообще... Не может быть, чтобы при таком раскладе его быстренько не окрутила бы какая-нибудь молодая да ранняя. Уж она-то насмотрелась, какие такие молодые-ранние бывают. А если не молодая-ранняя, так еще хуже – какая-нибудь деловая стерва с пятью счетами в зарубежных банках и с двумя пластическими операциями на морде. Федор однажды за ней в «Фортуну» заходил, так она тогда заметила, как на него дамочки пялятся. Особенно эти, с пластическими мордами. Одна надежда – он все-таки правда умный, добрый и хороший. По крайней мере, ради какой-нибудь денежной кошелки никогда не бросит ее с тремя детьми. Другое дело – когда-нибудь Федор обязательно влюбится. Хорошо бы – в какую-нибудь славную, порядочную девочку. И пусть, и правильно. Разве она против? Она совсем не против. Она будет только рада, она будет даже счастлива, да. И пожелает счастья ему.

И останется одна.

Ну, ничего, она, конечно, справится. И потом, у нее все-таки есть и Томка, и Сережа, и дядя Миша... И Елена Васильевна всегда с удовольствием за детьми присмотрит. В конце концов, при острой необходимости можно и няню найти...

Но всё это не то. Зоя представила, как она приходит домой ночью, а ее никто не встречает. Никто бдительно не подслушивает, с кем это она и о чем говорит по телефону в такое время. Никто подозрительно не рассматривает ее синяк, не поджигает неодобрительно губы, не греет к ее приходу воду, не стирает ее джинсы, не кипятит чай, не сидит с ней за столом, лупая полусонными глазами... Ах, как плохо будет ей одной. И дети без твердой мужской руки, конечно, в момент распояшутся, никакая няня не удержит. Придется ей тогда самой, наверное, замуж выходить. Да какой ненормальный польстится на троих чужих спиногрызов? Это вам не в кабаке за ноги хватать, да в баре зубы скалить, да до дому за ней гнаться... А интересно все-таки, кто же это нынче ее выслеживал? Томка говорит – грузин какой-то... Нет, она не говорила, что грузин, она говорила – черный. Да какая разница? Раз из «Фортуны» вышел, значит – из того же стручка горошина. Там нормальных людей не бывает. Гады гадкие. Пьянь убогая...

Зоя вдруг совершенно расхотела спать, открыла глаза и резко села в постели. Что это она сейчас подумала? Ерунда, не может быть. С какой стати этому Павлу следить за ней? Нет, не может быть. Да его и не было уже там, когда она уходила. Точно не было. Она бы заметила, если бы он был там. Он там один такой был... И даже не только потому, что трезвый. Он и внешне резко отличался от всех посетителей «Фортуны» – очень подтянутый, очень спокойный, очень уверенный и какой-то очень отстраненный. Как будто он туда по обязанности пришел, и то, что там творится, – ему не нравится, но, как воспитанный человек, он вежливо терпит и ждет, когда все это кончится. Наблюдатель. Может быть, из этих, в штатском? Но эти, в штатском, не должны бросаться в глаза, а этот Павел – уж очень заметная личность. Интересно, на каких таких курортах он так загорел? Чтобы так загореть – это полгода под солнцем жариться надо.

Нет, все правильно. Никакой это был не Хаз-Булат, Томка просто не разглядела как следует. Это Павел за ними ехал.

– А зачем? – шепотом спросила Зоя темноту в комнате.

Темнота в комнате загадочно молчала. Ну и пусть. Может быть, Зое не очень-то и хотелось узнать ответ на свой вопрос. Потому что она этот ответ, к сожалению, и так знала. Уж чего-чего, а своих намерений посетители «Фортуны» от нее не скрывали.

Хоть бы уж Феденька подольше ее не бросал, что ли...

Зоя опять легла, решительно закрыла глаза и приказала себе спать. Такой приказ всегда помогал. И всегда она засыпала, едва успев свалиться на кровать. Правда, может быть, и приказ тут бы совершенно ни при чем – она уже много лет так сильно уставала и так мало спала, что привыкла засыпать мгновенно, причем иногда в самое неподходящее время и в самых неожиданных местах – в автобусе, в машине, в очереди к парикмахеру, прямо в зеркальном зале на скамеечке в десятиминутном перерыве между первой и второй группой... Однажды даже в чужом доме уснула. Пришла заниматься с Ромкой Мамичевым, а у него в это время врач был, мать Ромки попросила немножко подождать, чайку пока попить... Зоя села в кресло, взяла чашку и – уснула. Ужасно неудобно получилось. Хорошо еще, что у Ромки мать – танк без комплексов, разбудила в момент. А то бы Зоя к другому ученику опоздала.

Так. Почему она сейчас не спит? Еще час назад засыпала на ходу. Сегодня так устала... Может быть, потому и не может уснуть? От переутомления. Так бывает, клубный врач Андрей Антонович рассказывал. Человек устает запредельно, а просвета – никакого, вот нервная система и пребывает в постоянной боевой готовности, чтобы не дать человеку свалиться в неподходящий момент. А потом уже можно поспать, а нервная система этого не понимает, она уже привыкла не отдыхать. И человеку отдохнуть не дает. Сама не гам и другим не дам. Так и бдит без толку. Если сутки не спать, и двое суток не спать, и неделю не спать – все,

свихнешься. Будешь лежать и таращить в темноту бессмысленные глаза, размышляя, на кого похож этот черномазый Павел – на грузина, чеченца, турка... мулата?

Кто-то ей говорил, что у мулатов бывают необыкновенно красивые и талантливые дети. А, да, это Эдик ей говорил. Эдик считал себя мулатом, потому что одна бабушка у него была итальянкой, а другая – эстонкой, один дед был армянином, а другой – татарин, мама с папой привыкли думать, что они русские, как в паспорте записано, так что кем еще Эдик мог себя считать? Естественно, мулатом.

– У мулатов всегда очень красивые и талантливые дети, – говорил Эдик, заглядывая ей в глаза горячими итальянскими глазами и картинно встряхивая длинными желтыми эстонскими волосами. – Посмотри, какая у меня внешность! А дети у нас еще лучше будут. У нас будет много детей, ты ведь не против?

Конечно, она была не против. Ну, кто ж будет против красивых и талантливых детей? Особенно в восемнадцать лет, особенно всего через три месяца после свадьбы, особенно если известие о будущем ребенке муж встречает так... так правильно.

Ах, какие красивые и талантливые дети могли бы быть у них с мулатом Эдиком...

– Мама! – заорала Манька прямо у нее над ухом. – П-р-росыпайся! Пор-р-ра завтр-р-ракать!

Три дня назад у Маньки стало получаться убедительное «р-р-р», и эти три дня она эксплуатировала свои новые способности с утра до вечера.

– Мар-р-рия, – строго сказала Зоя, не открывая глаз. – Пр-р-ризнайся: по какой пр-р-рине ты всегда так стр-р-рашно ор-р-решь?

Манька хихикнула, влезла на постель и деловито завозилась, устраиваясь у Зои под боком.

– Ну, не пр-р-росыпайся, – громким шепотом сказала она. – Поспи еще часок-др-р-ругой, р-р-рыба моя золотая.

Зоя совсем проснулась, засмеялась и открыла глаза. Может быть, у мулатов действительно бывают красивые и талантливые дети, но уж наверняка они не идут ни в какое сравнение с ее Манькой. И Аленкой. И Сережей. И конечно, с Федором.

– Мария, ты кр-р-расавица! – Зоя полюбовалась Манькиной круглой рожцей, чмокнула ее в курносый веснушчатый нос и стала выпутываться из простыни, собираясь встать.

– А я? – Аленка просочилась в комнату, как всегда, бесплотной тенью и, похоже, уже давно маячила у кровати, ревниво прислушиваясь и приглядываясь.

— И ты красавица!

Зоя перегнулась через Маньку, подхватила Аленку и тоже уложила ее на постель, с другого бока. Какая все-таки Аленка худенькая. Легче Маньки, а ведь на полтора года старше... Ну, ничего, сейчас уже не страшно, сейчас она уже здоровенькая, а остальное – дело наживное, подкормим, потренируем...

– И ты моя красавица, солнышко Аленушка, и все вы у меня красавицы и красавцы. Кстати, а чем это наши красавцы занимаются? Почему это они нас без присмотра бросили, а? Непор-р-ядок.

– Пор-р-рядок! – рывкнула Манька и, когда Зоя демонстративно вздрогнула, оглушительно захохотала, даже не подумав хотя бы отодвинуться от ее уха. – Федор-р Сер-р-режу мур-р-рыжит.

– Что Федор делает? – изумилась Зоя. – Ты откуда таких слов нахваталась?

– Они зарядку делают, – тихо шепнула Аленка с другого бока и еще тише вздохнула. – Это не Федор Сережу мурыжит, это Сережа Федора мурыжит... Так Федор сказал. Потому что Сережа не хочет заниматься.

Ага, стало быть, опять между ее красавцами назревает конфликт на почве разности представлений о человеческом совершенстве. Федор хотел сделать из Сережи как минимум чем-

пиона во всех видах спорта, а Сережа считал, что отжаться от пола двадцать пять раз – это подвиг невиданной красоты и силы, и пусть ему спасибо скажут, и отстанут хотя бы до завтра, и не гоняют от компьютера каждые полчаса, и вообще все бицепсы-трицепсы уже не актуальны, главное – извилины, а у него, Сережи, извилины поизвилистей, чем у некоторых, так что утопитесь вы со своими гантелями и скакалками, дайте человеку спокойно полазить по Интернету. Федор топиться со своими гантелями и скакалками не собирался, каждый день придумывал для Сережи новые физические упражнения, а в отместку за «извилистые извилины» время от времени отыскивал какие-нибудь вычурные математические и логические задачи, подсовывал их Сереже, а потом с удовольствием тыкал того носом в ошибки. Сережа жаловался Зое на Федора, Федор жаловался Зое на Сережу, Зоя иногда смеялась над обоими, иногда орала на обоих и всегда страшно обоими гордилась.

– Ну что, девушки, наверное, и нам зарядку надо бы сделать? – Зоя с кряхтением поднялась и с сомнением уставилась на двух мелких мошенниц, которые взбаламутили ее еще до будильника, а сами, похоже, собираются задряхнуть на ее кровати. – Вы как, не против? Или еще поспите немножко?

– Лучше зарядку, – нерешительно сказала Аленка и, не вставая, протянула руки. – Ты меня покружишь?

– Да ну ее, эту зарядку! – энергично заявила Манька, мячиком прыгнула с кровати и потопала из комнаты. – Я лучше вместе с Сережей по стенке полазю.

– «Полазю»! – передразнила Зоя. – Ты бы лучше вместе с Аленкой родной язык подучила. Солнышко Аленушка, как надо правильно говорить?

– Не помню, – виновато сказала Аленка, пытаясь взобраться к Зое на руки. – Потом в словаре посмотрю. Покружи меня, а?

Зоя подхватила невесомое тельце, прижала к груди и закружилась по комнате, во все горло распевая на мотив ламбады:

– У-у-умница моя, ты же раскрасавица моя-а-а!

Аленка обнимала ее за шею тощенькими слабыми ручками, зажмуривалась, тихонько смеялась и повизгивала. Это была ее любимая утренняя зарядка, еще с тех пор, когда она едва держалась на ногах, почти не говорила и совсем не умела смеяться. Зоя старалась не пропускать ни одного утра, даже если работала ночью, даже если спала не больше часа, даже если надо было срочно бежать куда-нибудь ни свет ни заря. Эта утренняя зарядка была и ее любимой тоже. Вон как Аленушка порозовела, рыбка моя золотая.

Потом они еще немножко потанцевали, попрыгали на кровати, хором спели песню «Ах вы, дети мои, дети, распрекрасные мои» на мотив «Ах вы, сени мои, сени» – и пошли наводить порядок в танковых войсках, потому что со стороны кухни уже доносились звуки дежурного утреннего скандала, и если вовремя не навести порядок, дело опять закончится взаимными доносами ее красавцев и судебным разбирательством с участием присяжных – Маньки и Аленушки.

Присяжные всегда были кровожадны до невероятности, требовали высшей меры, но при этом давали понять, что неподкупность и принципиальность – понятия абстрактные и лично им, присяжным, глубоко чуждые. Зоя их позицию горячо одобряла, потому что ее красавицы вымогали в качестве взятки у ее красавцев всегда что-нибудь в высшей степени полезное – внеочередной поход в зоопарк, урок игры на гитаре, предоставление компьютера в полное распоряжение аж на целый час, чтение сказки перед сном... Манька иногда требовала пирожное с кремом, но без всякой надежды на успех – Зоя раз и навсегда запретила подобные взятки, и подсудимые никогда в жизни ее не ослушались бы.

Сегодняшний утренний скандал имел, похоже, какую-то очень серьезную причину. Просто чрезвычайную причину! Потому что Федор и Сережа, только что оравшие друг на друга, при появлении в кухне Зои и Аленки мгновенно заткнулись, отвернулись в разные стороны

и дружно сделали вид, что целиком поглощены домашним хозяйством – чай заваривают, чашки вынимают, то, се... Зоя насторожилась.

– Ну, давайте, колитесь уже, – минутку выждав, поторопила она. – Быстро, быстро... Некогда мне тут с вами в партизанов играть.

Ее красавцы изобразили искреннее непонимание, но тут откуда-то из-под стола вынырнула Манька, внимательно посмотрела на обоих, прикинула что-то в уме, расплылась в довольной улыбке и заявила:

– Мы с Сережей в бассейн пойдем. А потом в магазин. В игрушечный. А потом в парк. На карусели кататься. Или даже на чер-р-товом колесе.

Это была такая запредельная взятка, что Зоя почти испугалась: что же такое Сережа натворил? Если согласится – дело серьезное...

– Ага, размечталась! – заорал Сережа пронзительным мальчишеским фальцетом, забыв от возмущения, что уже пару месяцев умеет говорить солидным взрослым баритоном. – Сама лезет куда попало, в потом в бассейн ее веди! Маленькая, а наглая, как... Клавдия Степановна!

– Заткнись! – тут же заорал и Федор. – Ты с кем разговариваешь? Мария хоть маленькая – вот и лезет! А ты взрослый, да? А кто в дом всякую дрянь тащит? И оставляет где попало, а?

Манька опять нырнула под стол, затихла и только посверкивала из-под края пластиковой скатерти любопытными бесстрашными глазами.

– Всем молчать, – приказала Зоя, усаживаясь на свое любимое место в уголке за холодильником и устраивая Аленку у себя на коленях. – Всем сесть за стол и немедленно приступить к завтраку. Мария, я кому сказала? Так. Теперь все едят, сохраняют спокойствие и отвечают на мои вопросы. Проводится предварительное следствие.

В ходе предварительного следствия выяснилось, что сегодняшний дежурный утренний скандал начался еще вчера вечером, когда Федор обнаружил спрятанную за монитором пивную бутылку – причем не совсем пустую! В ярости он уже готовил для Сережи физическую расправу, но оказалось, что никакого пива никто и не думал пить, просто Сережа попросил у соседки Елены Васильевны ложку спирта, чтобы почистить клавиатуру и мышку, а то все хватаются грязными руками, а потом пальцы к буквам прилипают. Можно так жить? Ну вот, Елена Васильевна и плеснула пару ложек спирта в единственную тару, которая под рукой оказалась. А Федор, не разобравшись, сразу: что это такое, что это такое! Ничего такого, обыкновенный спирт. Он, Сережа, не такой debil, как Федору кажется. В общем, вчера немножко покричали – и забыли. А сегодня, пока Федор мучил Сережу этими своими дурацкими гантелями, Манька добралась до бутылки и, кажется, попробовала содержимое. Между прочим, бутылка почему-то на подоконнике оказалась! А он, Сережа, ее за монитором прятал! Некоторые сами переставляют бутылку куда попало, а потом других обвиняют...

– Мария, – строго спросила Зоя, стараясь не засмеяться. – Ты что, правда спирт пробовала?

– Ага, – охотно созналась Манька, тараща невинные глаза. – Но я совсем немножко.

– Немножко – это как?

Манька повертела головой, отыскивая наглядное пособие, ухватила с подоконника мелкий узкогорлый графинчик из-под виноградного уксуса и, скосив глаза к носу, осторожно понюхала и слегка лизнула край пробки. Сморщилась, сделала вид, что плюет, поставила графинчик на прежнее место и опять уставилась на всех с явным интересом и ожиданием.

– Ну и как, понравилось?

Сохранять строгость было уже совсем трудно – Федор с Сережей откровенно ржали, и даже Аленка потихоньку хихикала, прижимаясь личиком к Зонному плечу.

– Ужасная гадость! – выразительно сказала Манька. – Прямо как твой яд для ног.

– Господи помилуй! – испугалась Зоя. – Ты что, мой яд для ног тоже пробовала? Когда?

– Ну, когда ты ноги мазала, а я тебе коленку лизнула... – Манька с недоумением оглядела всех по очереди и недовольно засопела. – Чего это вы смеетесь? Сережа, так мы в бассейн не пойдем, да?

Теперь оба ее красавца насыпались на Маньку с упреками, обвинениями и нравоучениями, но Маньке все это было как об стенку горох, и Зоя в воспитательный процесс не вмешивалась. Пусть их. Мальчики таким способом проявляют заботу и ответственность, а до Маньки, может быть, когда-нибудь все-таки дойдет, что она не пуп земли. Хотя, надо признаться, никаких таких маний величия за ребенком не замечено, зря Сережа палку перегибает. У Маньки просто нормальный детский эгоцентризм... Ну, почти нормальный. Она очень самостоятельная и независимая. Решительная и отважная. Сильная девочка.

Вот Аленка – слабенькая, поэтому такая зависимая. Но Аленка редкая умница-разумница, и за нее тоже не страшно. И за Сережу не страшно, и тем более за Федора. Ни за кого из своей большой семьи Зоя давно уже не боялась, и это было самое прекрасное и удивительное, что только могло случиться в жизни. Ах, как хорошо. Как хорошо быть дома. Как хорошо одновременно слушать тихий стук Аленкиного сердечка рядом со своим сердцем, сердитый Сережин баритон, время от времени срывающийся на октаву вверх, Манькины гор-р-рячие пр-р-ротесты и сдержанные реплики Федора. Когда-нибудь она освободит три дня подряд и все эти три дня проведет дома. Целых три дня, с утра до вечера и с вечера до утра, будет возиться с детьми и варить обед, и мыть, и стирать – в общем, целых три дня подряд будет жить в свое удовольствие. Ну, сегодня тоже можно немножко пожить в свое удовольствие, часа два у нее есть, правильно девочки сделали, что ее разбудили...

– Всё, не будем терять времени, – остановила она очередную Сережину воспитательную сентенцию. – Манька и половины не понимает, а ты только расстраиваешься. Зачем? Все равно ты ее любишь.

– Да, – подумав, подтвердил Сережа. – Но это нелегко.

Манька загальдела что-то в том смысле, что если кому-то нелегко, то она всегда готова помочь, Аленка тихо смеялась Зое в шею, Федор позвякивал посудой, убирая со стола, а Зоя сидела и жила в свое удовольствие. Вот еще хорошо бы борщ сварить – и можно будет считать, что жизнь удалась.

Жизнь удалась. Очень, очень. Борщ ей помогала варить вся семья – кроме Сережи, его отправили за хлебом и сметаной, – и борщ получился совершенно необыкновенный, темно-бордовый от свеклы, с тонко шинкованной свежей капустой, со звездочками молодой морковки, душистый от всяких травок, заправленный кисленьким яблочком, густой до невозможности – в пятилитровой кастрюле ложка стояла как вкопанная. Именно такой борщ просто обожала вся ее семья, и Елена Васильевна такой борщ обожала, надо ее обязательно пригласить к обеду, очень жаль, что самой Зое придется уйти до обеда, ну ничего, сегодня она вернется пораньше – тогда и поест, как все нормальные люди.

А пока время еще есть, она успеет и навести порядок в шкафу, и выбросить мусор, и погладить костюмчик – имеет она право раз в жизни выйти из дому в приличном виде? И почему ей никто не сказал, что она до сих пор ходит по дому в ночной рубашке? А Манька вообще без рубашки ходит, сверкает голым пузом. Ну и что такого, что Федор тоже без рубашки? Это совсем другое дело, мальчикам можно. Давайте брать пример не с мальчиков, а с девочек – таких, например, как Аленка. Она с самого утра в платице и, между прочим, как-то ухитрилась это платице ничем не заляпать, а ведь тоже борщ варить помогала! Федор джинсы вчера постирал, где они? А, вот. Спасибо, Феденька. И пока она выносит мусор, пусть кто-нибудь разложит гладильную доску и включит утюг.

Жизнь удалась. Она все успела, даже одеться не торопясь, даже слегка уложить волосы феном, даже почитать девочкам про Маленькую Бабу-ягу, потому что позвонила Томка и сказала, чтобы Зоя не торопилась, Серый за ней заедет и сам в клуб отвезет, ему все равно по пути,

так что нечего Зое по троллейбусам время терять. И Зоя не стала терять время по троллейбусам, а вышла из дома как раз в тот момент, когда под арку бесшумно вплыл страшненький броневичок Серого. До чего нелепо выглядит, в который раз подивилась Зоя. Просто глюк на колесах. Ночной кошмар. При свете дня этот ночной кошмар выглядел особенно безобразно, и Зоя, подходя к машине, как всегда, не выдержала и захохотала в голос, вспоминая рассказ Томки о том, как Серый регистрировал этот глюк в ГАИ. Там даже какую-то специальную комиссию создавали, и эта специальная комиссия долго решала, как можно классифицировать этот глюк. Наконец решили, что это вездеход, чем подвигли Серого к новым конструктивным изменениям, – через полгода броневичок действительно стал вездеходом, спокойно шлепал через речки и болота, овраги и буераки и даже умел плавать, хоть и не слишком быстро. И все эти нововведения красоты ему, мягко говоря, не прибавили.

Зое машина Серого страшно нравилась. Это была вообще единственная в мире машина, которая ей нравилась.

Глава 3

Павел проснулся от того, что хлопнула входная дверь. С чего бы это его входной двери хлопать в такую рань? Да и в любое другое время ей хлопать совершенно не с чего. К нему никто не приходит и, соответственно, от него некому уходить.

Хотя да, он же не у себя, он вчера у Макарова остался. Тогда и вовсе странно – куда Володьку могло в такую рань понести? По всем приметам, этот паразит должен был валяться пластом до полудня и мечтать об антидоте. Вот если именно за антидотом и погнал?..

Павел встал и пошел в ванную, заранее раздражаясь от того, что сейчас увидит. Макаров был невероятно, просто патологически неряшлив. В ванне у него могло оказаться что угодно – от недоеденного бутерброда до старого грязного ботинка, включая растрепанный каталог отделочных материалов и бриллиантовую запонку. На днях Павел отлепил от подсохшей мыльной лужицы на дне макаровской ванны пачку листов, сшитых толстой ниткой и пропечатанных сургучной печатью. Макаров безумно обрадовался – оказывается, это утвержденный проект, и он этот проект два дня искал. Паразит.

Странно, но сегодня в ванной был относительный порядок. Никаких грязных башмаков, пустых бутылок и утонувших бриллиантов. Так, по мелочи кое-что: полотенце валяется на полу, пара драных носков свисает с полочки перед зеркалом, да вчерашний макаровский пиджак аккуратно надет на корзину с грязным бельем. Паразит.

И кухня сегодня поражала воображение невиданным благолепием: пустая чистенькая мойка, горячий чайник, два куска хлеба и несколько лепестков не слишком черствого сыра, трогательно уложенных на бумажной салфетке посреди до блеска вымытого стола. Гостей этот паразит ждет, что ли? И куда он в такую рань отправился? За угощением для ожидаемых гостей или все-таки себе за опохмелкой? Нет, надо наконец ему рыло начистить. Друзья они или не друзья? Друг Макаров помог Павлу, как не всякий родной сумел бы. Долг платежом красен. Теперь очередь Павла помогать другу Макарову. И он поможет, пусть друг Макаров даже не сомневается. Так поможет – мало не покажется. Сначала рыло начистит, а потом сдаст наркологам. Жаль, что в городе пока мало кого знает. Надо у ребят на работе спрашивать, кто тут у них лучший нарколог. Или самому заняться? Вот прямо сейчас и заняться, если этот паразит вернется с бутылкой.

Макаров вернулся без бутылки, зато аж с двумя пакетами, полными всякой еды.

– Проснулся? – виновато спросил он, всовывая в кухню румяную, веселую, совершенно не похмельную физиономию. – Это я тебя разбудил? Извини, я старался тихо, честное пионерское... Брось эту гадость, я всего приволок, сейчас чего-нибудь толкового приготовлю. Хочешь салатик? С крабовыми палочками... Я и салатик могу, и все могу. Ты чего будешь – чай, кофе? Я печенья принес, хорошего, с орехами. И шоколадку, тоже с орехами. погоди, сейчас я разуюсь и быстренько все приготовлю. Я умею, ты не бойся...

Рыло ему, кажется, можно было еще не чистить. Но пока Володька ловко и действительно очень быстро готовил – и салат, и яичницу с ветчиной, и даже спагетти с каким-то рыжим и невозможно острым соусом, – пока они сидели за столом, Павел, слушая несмолкаемый треп этого паразита, все думал о том, как бы поумнее завести разговор о пагубности привычек типа ежедневного пьянства, казино и всякого такого...

– Ты чего молчишь? – вдруг спросил Макаров сердито. – Ты на меня не молчи! Размолчался тут... Ты что думаешь, я не понимаю, да? Ну, алкоголик, так что ж теперь, алкоголик – не человек? На него, значит, молчать как попало можно? Обидно же, честное пионерское.

– А что говорить? – хмуро буркнул Павел. – Сам же сказал, что все понимаешь. Паразит.

– Ну вот, совсем другое дело! – обрадовался Макаров. – Хоть какие-то человеческие чувства! А то сидит, как статуя железобетонный. Я уж подумал, что тебе на меня наплевать.

– А тебе на себя не наплевать?! – совсем обозлился Павел. – Ты знаешь, что я думал, когда ты в магазин ходил? Я думал: придет с бутылкой – изметелю до полусмерти! В кровь избыю! А потом лечить буду! Чтобы не то что пить – нюхать не мог! Володь, ведь не дурак же ты! Ведь сам понимаешь! Смотреть же на тебя невозможно!

– Тихо, тихо, тихо, – заговорил Макаров примирительно. Морда у него была дово-о-ольная. – Чего ты так разволновался-то? Хе! Я думал: стальные мышцы, нейлоновые нервы, а вместо сердца – пламенный мотор... А ты у нас вон какой впечатлительный. На меня даже мама так не орет, честное пионерское. Паш, ты меня это... э-э... ты меня прости. Я ж понимаю, ты целую неделю со мной возишься – кому хочешь надоест. Ты не думай, на самом деле я не алкаш... Не, конечно, не такой трезвенник, как ты! Боже упаси. Бывает иногда – Новый год, Первое мая, День защиты детей, то, се... Да не злись ты, я так, болтаю. Я правда редко пью, да и не люблю я этого дела – у меня поджелудочная сразу реагирует, зараза. Это ты в такой момент попал... э-э-э... неудачный. Бывшая моя замуж собралась и меня на свадьбу пригласила. Ничего себе, да? Ну, я и загулял чего-то. Даже и не знаю с чего. От возмущения, что ли? Мне ж на нее сто лет наплевать. А вот прорезалась – и осатанел... – Макаров глубоко задумался, сложив губы трубочкой, подняв брови и вытаращив глаза, и наконец нерешительно предположил: – А может, еще не наплевать? Паш, ты чего опять молчишь?

– Слушаю. – Павел допил чай, встал и принялся собирать грязную посуду. – У тебя опять горячей воды нет. В чем погреть можно?

– Горячей воды ни у кого нет... – Макаров тоже поднялся, стал хлопать дверцами шкафов, заглядывать под мойку, зачем-то полез на антресоли. – Где-то большая кастрюля была... Да черт с ней, брось, я потом все помою. Давай лучше мы сегодня с твоей хатой разберемся, а? Ты не думай, я не только карандашиком умею, я и руками все умею, честное пионерское... Кафель, линолеум, обои поклеить, покрасить чего... А? Мне это запросто. Я вообще, может, в душе не архитектор, я в душе, может, штукатур-маляр. Плиточник-отделочник. А в четыре руки мы все мухой закончим! Ты какой кафель купил?

– Никакого. Когда мне кафель было покупать? – не удержался от упрека Павел, но Макаров скроил такую виноватую рожу, что Павлу даже жалко его стало. Вон как Володька переживает... Хотя и паразит, конечно. – За кафелем я сегодня собирался. Помнишь, ты о каком-то магазинчике говорил? Нарисуй, как проехать, я там один разберусь. Мне еще на рынок надо бы, и посуду кое-какую посмотреть, и утюга у меня нет... В общем, сегодня помотаться придется. А ты вот что... Конечно, это не мое дело... Но знаешь, Володь, ты бы сегодня к матери забежал, а? Она позавчера так расстроилась, а ты даже не позвонил ни разу.

– Черт, – сказал Макаров с тихим отчаянием. – Черт, черт, черт... Ну вот откуда ты на мою голову, правильный ты наш? Прямо застрелиться хочется, честное пионерское!.. От глубокого стыда за собственную низость. В чайнике вода осталась? Нет? Поставь побольше, я хоть из чайника побреюсь, что ли... Пойду, правда, позвоню пока. У меня голос очень хриплый? А-а-а, о-о-о, у-у-у... До-о-о, ре-э-э, ми-и-и, ми-ми-ми!

Макаров, придурковато блея на ходу, усккал в прихожую, а Павел, наводя порядок на столе и в холодильнике, с интересом прислушивался, как Макаров орет в трубку:

– Ма! Я сволочь! Я соскучился! Чего ты мне говорила? Чего я тебе говорил? О-о-о, какой я мерзавец!.. О-о-о, как ты была права!.. И зачем я на свет появился, и зачем ты меня родила?!

Раздался страшный грохот, что-то стеклянно хрустнуло и мелко рассыпалось по полу, Макаров приглушенно чертыхнулся и опять заорал:

– Ма! Слышишь? Это я лбом в пол бью! Или ты меня немедленно прощаешь – или я немедленно еду к тебе! А?.. Все, еду. Тебе чего привезти? Не, я чего-нибудь придумаю. А не знаю. А чего-нибудь хорошего. Ну все, ну пока, ну целую, ну жди. Привет Антигриппину... то есть как его... ага, Эффералгану, конечно! Да ничего я не издеваюсь! Да ничего я не забыл! И Кысю помню, да, Моисеевну, и ей привет! И Шебутятине привет, и Леди Ди-Ди-

Ди! Во, я знаю, чего я привезу! Я рыбки твоим тварям привезу! Они какую рыбку любят? Они белую или красную рыбку любят? А осетра они будут жрать? Ну всё, всё, я бриться пошел, и практически сразу – к тебе... – Макаров бросил трубку, ахнулся на четвереньки и стал собирать с пола какие-то осколки, ручки, карандаши, ключи и вообще что-то неопознаваемое. Наткнулся взглядом на ноги стоящего в дверях Павла, не вставая с четверенек, задрал голову и горестно сообщил: – Опять мобильник разбился. Из чего эти стахановцы их клепают хоть? Чуть что, сразу хрясь – и вдребезги. Э-э-эх, третий мобильник за месяц, даже обидно, честное пионерское... Зато ключи нашел, запасные. Возьми, вечером опять ко мне приедешь, да? Чего тебе в пустой хате делать? А здесь мы чего-нибудь интересенькое затеем. Ты плов любишь? Я сто лет о плове мечтаю. От матери вернусь – и сразу плов... Посидим, поговорим. А, Паш?

Макаров, кряхтя и чертыхаясь, поднялся, протянул Павлу связку ключей и с надеждой уставился на него. Павел подумал и взял ключи. Жить в совершенно пустой, да к тому же еще недоремонтированной квартире действительно неудобно, а тут хоть Макаров у него на глазах будет. К тому же трезвый Макаров ему страшно нравился, слушать его было – одно удовольствие, да и кой-какие вопросы у Павла к Володьке накопились.

– Поезжай уж скорее, – нетерпеливо сказал Макаров, глянув на часы. – И я прям сейчас побегу. Быстрее сядем – быстрее выйдем. А то пропадешь на целый день, а мне, значит, ждать... Давай, давай, нечего резину тянуть...

Павел вышел из подъезда и с удовольствием огляделся. Во дворе макаровского дома он всегда оглядывался с удовольствием. Макаров говорил, что дом этот – бывший обкомовский, его специально для местной партийной элиты строили, со всеми вытекающими из этого последствиями. Где тот обком и где та партийная элита? А последствия до сих пор функционируют: никаких кодовых замков, но в каждом подъезде – по охраннику, причем не просто пятнистые амбалы из подозрительных агентств, а нормальные милиционеры, с нормальным боевым оружием, с нормальной связью, с нормальными, спокойными глазами...

Двор – огромный, густо заросший жасмином и розами – обегала по периметру широкая полоса безупречного асфальта. С одной стороны – въезд в подземную стоянку, рядом – стоянка открытая, небольшая, машин на десять, но тоже с будочкой охраны. С другой стороны – своя котельная. Макаров говорил, что и автономная электростанция есть, только она ни разу не понадобилась, с электроэнергией перебоев сроду не бывало. И все это хозяйство огорожено высоченным забором из замечательно красивого чугунного кружева, впечатление от которого слегка смазывали большие железные ворота, покрашенные почему-то в защитный цвет. Зато ворота разъезжались в стороны совершенно бесшумно, а рядом с ними торчала еще одна будка с охраной. И даже, кажется, с видеокамерой.

Прямо за воротами – огромный, как колхозное поле, газон, посередине которого – широкая каменная лестница, полого спускающаяся прямо к набережной, к небольшому чистенькому пляжу, открытому ресторанчику и лодочной станции. И это – в самом центре города, в трех минутах ходьбы от транспорта, магазинов, поликлиник, отделений связи, кафешек, детских садов, игровых автоматов, табачных киосков и прочих достижений и безобразий цивилизации. Во в каком доме Макаров жил.

Правда, и тот дом, в котором Володька ему квартиру сосватал, Павлу тоже очень нравился. Построен он был лет пятьдесят назад на высоком берегу, почти над обрывом, где раньше громоздились древние, чуть ли не дореволюционные частные домики, утопающие в старых садах. Домики снесли, дом построили, собирались рядом еще что-то строить, но вовремя спохватились: грунт слабоват. И овраг рядом, мало ли...

И остался стоквартирный кирпичный дом посреди старых брошенных садов в гордом одиночестве. Потом жильцы эти сады постепенно обиходили, почистили, беседок поставили, скамеечек... Вот странно – никакая шантрапа в этот сад не лезла, никто в беседках бутылками

по ночам не звенел, никто скамеечки не ломал, никто в подъездах стены не разрисовывал. Провинция.

И квартира была хорошая – одна комната, зато двадцать шесть метров, и угловая, двух-светная, из нее спокойно две нормальные комнаты можно сделать. И кухня почти пятнадцать метров, и ванная – хоть танцуй, и кладовка, и два балкона... Балкончики, правда, крошечные, но ведь два же! И потолки почти четыре метра. Вот ведь люди строили. Павел до сих пор поверить не мог, что у него такая квартира. Он недавно вообще поверить не мог, что у него будет хоть какая-нибудь квартира. Да если бы не Макаров, у него и не было бы никакой квартиры. Повезло. Просто вот ни с того ни с сего, ни за что ни про что, на ровном месте – повезло неслыханно.

Охранник выглянул из будки на стоянке, внимательно посмотрел, сдержанно кивнул. И тот, который у ворот, тоже посмотрел внимательно, тоже сдержанно кивнул, открыл ворота. От всех этих кивков и взглядов у Павла настроение еще поднялось – узнают, уважают... Вот еще чем хороша провинция.

И еще – компактностью. Уже через семь минут он без труда нашел по нарисованному Макаровым плану очень неплохой магазинчик и целый час с удовольствием бродил от стенда к стенду, рассматривая образцы панелей, кафеля, пленок и всяких прочих обоев. Продавцы под ногами не путались, не пытались ничего ему всучить, на вопросы отвечали толково, а под конец даже посоветовали не торопиться – в понедельник поступит кое-что новое, не хуже этого, но дешевле. Из благодарности Павел купил четыре банки обойного клея и в замечательном расположении духа вышел из магазина.

И увидел Зоин дом. Прямо напротив, на другой стороне площади. Ведь час назад мимо проезжал – и не узнал. Правда, ночью он к нему с другой стороны подъехал, со двора, и темно было... Но сомнений никаких, это Зоин дом. Те же вычурные балкончики, те же колонны, те же карнизы необыкновенной ширины. Павел не видел здесь другого дома с таким количеством архитектурных излишеств. Хотя кто его знает... Надо объехать и посмотреть, если там во двор ведет арка – значит, он.

Арка была та же самая, и двор тот же самый, хотя двор Павел ночью, конечно, не очень рассмотрел. Ну, сейчас-то он его рассмотрит как следует. Абсолютно не задумываясь над тем, зачем ему рассматривать чужой двор, Павел приткнул машину на свободном пятачке возле невысокой кирпичной стеночки, углом огораживающей мусорные баки, и, не выходя из машины, внимательно огляделся. Как в тылу врага. Даже перед собой как-то неудобно, ей-богу. Гимназизм. Теперь не хватало только отправиться в глубокую разведку – в ее подъезд, – и ломиться во все двери с оригинальным вопросом: «Сантехника вызывали?» Или дождаться, когда из ее подъезда выйдет какая-нибудь разговорчивая бабулька, и пристать к этой бабульке с интересной беседой.

Никакие бабульки из ее подъезда не выходили. И из других подъездов бабульки не выходили. Из первого подъезда вышли молодые мужик с бабой, вынесли два таза мокрого белья, стали развешивать свои пододеяльники на веревках, натянутых между стволами старых лип, раздраженно переругиваясь. Нет, эти не собеседники. Из другого подъезда выполз ветеран Первой мировой в выцветших штанах с генеральскими лампасами и в желтой футболке с черной надписью «I'm good girl», полминуты постоял, громко сказал: «А?» – и уполз назад. Этот тем более не собеседник. И что они все по квартирам отсиживаются? Такая хорошая погода, не жарко еще, выходной – чего бы им не погулять во дворе? Наверное, все по дачам разъехались. У каждого здесь по шесть соток за объездной дорогой, в субботу и в воскресенье весь город картошку окучивает. Провинция.

Из Зоиного подъезда выскочила растрепанная девчонка с двумя огромными полиэтиленовыми мешками в руках, роняя на ходу и опять ловко подцепляя босыми ногами пляжные шлепанцы, понеслась в его сторону... А, ну да, это она мусор вынесла, в этом доме нет един-

ственного архитектурного излишества – мусоропровода. Впрочем, в его доме тоже мусоропровода нет, и даже в макаровском нет. Мусоропроводы есть только в девятиэтажках в двух микрорайонах, и их жителей это обстоятельство несколько не радует... Девчонка проскакала мимо машины Павла, не обратив на нее никакого внимания, пошвыряла свои мешки в контейнер и, пока Павел раздумывал, не поспрашивать ли ее, кто живет в подъезде, со страшной скоростью понеслась назад, опять роняя и подцепляя на бегу шлепанцы. Смешная какая. Вряд ли она что-нибудь знает о соседях. Современные подростки не интересуются жизнью посторонних людей. Хотя в какие времена подростки интересовались кем-нибудь, кроме себя?

– Федор! – заорала девчонка, остановившись у подъезда и задрав голову. – Выгляни в окошко, дам тебе горошка!

Нет, правда, какая смешная. Эти слова из детской сказки она прокричала таким тоном, каким командуют общее построение на плацу.

Занавеска в одном из распахнутых окон второго этажа ушла в сторону, и в окне появился молодой греческий бог. Да что там греческие боги! Любой греческий бог умер бы от стыда за свое несовершенство, увидев этого смертного.

– Федор, кинь ключ от почты, – без всякого восхищения небесным явлением приказала девчонка. – Там что-то светится, может, не реклама.

Небесное явление исчезло, и минуту, пока его не было, девчонка нетерпеливо приплясывала на месте, поддерживала великоватые ей джинсы, покрикивала в сторону окна: «Ну где ты там?» – и вообще всячески выражала неудовольствие. Было совершенно очевидно, что сумасшедшая красота этого Федора не производит на нее ровным счетом никакого впечатления. Умная девчонка. Хотя, возможно, они брат и сестра. Как правило, внешность родни никто просто не замечает.

Небесный Федор наконец опять появился в окне, покачал в пальцах ключик, блеснувший в солнечных лучах, прицелился и точно бросил его в протянутую вверх ладонь девчонки. Девчонка с удовольствием засмеялась и потопала в подъезд. Федор обвел внимательным взглядом двор, машину Павла будто не заметил, а мужику с бабой, которые все развешивали белье, молча кивнул. И они ему оба кивнули, и заулыбались, и помахали руками, а когда он исчез и занавеска опять опустилась, заговорили между собой уже не сердитыми, а добрыми голосами, и даже поулыбались друг другу. Красота – страшная сила.

Павел поймал себя на том, что ему интересно наблюдать за не слишком активной жизнью этого двора. Какая там жизнь! А вот интересно. Интересно вычислять, кто из них кто, придумывать характеры, судьбы, имена и профессии... И прошлое, и будущее. С ним это и раньше бывало: увидит случайную сценку – и начинает вокруг нагромождать незнамо чего, а потом оказывается, что все гораздо проще, глупее и даже пошлее. И о Зое незачем ничего узнавать... И так он уже знает достаточно, чтобы не строить иллюзий. И к тому же надо все-таки заехать на рынок.

Павел совсем уже собрался уезжать, когда краем глаза заметил слева какое-то движение. Оглянувшись – из-под арки во двор бесшумно, как привидение, всплывала вчерашняя реактивная керосинка, страхолюдное до изумления транспортное средство крутого Серого. Среди бела дня керосинка выглядела даже возмутительнее, чем показалось ему ночью. Откровенное корыто на колесах, причем колес три пары, чего он вчера не заметил.

Он, оказывается, много чего вчера не заметил: на крыше за прожекторами – люк, по бокам, между передними и задними дверями, – скобы, на которых закреплены какие-то штуки, больше всего похожие на газовые баллоны, под днищем между второй и третьей парой колес – что-то вроде вентилятора... или это гребной винт? Нет таких законов, по которым этот ужас мог двигаться. И еще одно он ночью не заметил – каждый квадратный сантиметр этой керосинки мягко сиял безупречной, совершенно неуместной при таком-то дизайне полировкой. И очень темные стекла радужно блеснули в солнечном луче, на миг обнаружив свою непростую

сущность. Пуленепробиваемые, что ли? Похоже. Неужели и вся эта вызывающая полировка – тоже броня? Ну-ну. Интересно, кто-нибудь уже пытался стрелять по этой керосинке? Не может быть, чтобы не пытались. Хотя бы ради восстановления эстетической справедливости.

Павел сидел, злился и совершенно трезво осознавал, что злиться он не имеет никакого права. Ну, приехал крутой Серый в гости к своей... ну, к этой... к своему лиху ветреному. Какое ему, Павлу, до всего этого дело? Кажется, вчера его об этом уже спрашивали. И вот на той же черт он поперся с Макаровым в это убогое казино?

И когда же наконец этот мифический Серый вылезет из своей летающей тарелки?

Из летающей тарелки никто не вылезал, зато дверь Зоиного подъезда хлопнула, и во двор элегантно, как на подиум, вышла... в общем, вся из себя такая вышла!

Светлый легкий шелк струился и льнул к фигурке, белые плетеные босоножки на плоской подошве эксклюзивно плевали на массовую моду, белая же сумка на узком ремне мерцала породистой кожей, а еще узкие черные очки, а еще причесочка – что-то такое гладкое, чрезвычайно стильное, ничего лишнего, – аккуратная темноволосая головка, высокая стройная шея, прямые развернутые плечи... Очень, очень. Вон, оказывается, какие топ-модели тут водятся. Интересно, видел Серый эту топ-модель раньше? Вот пусть и посмотрит сейчас. Пусть сравнит с хорошо известной нам оглоблей в красных трусах. Пусть подумает, за той ли он заезжает в казино и к той ли приезжает в гости.

Топ-модель шла через двор к арке не торопясь, не глядя по сторонам, на ходу роясь в своей породистой сумке. Потом захлопнула сумку, подняла голову, увидела машину Серого – и захохотала. То-то, позлорадствовал Павел. Нормальная реакция нормального человека.

Машина Серого дрогнула, противоестественным способом развернулась на месте правым боком к топ-модели, правая передняя дверца бесшумно открылась, и блистательная топ-модель ловко нырнула внутрь, несмотря на высокую подножку и узкую юбку. Так это что ж такое-то?.. Так это к кому сюда Серый ездит-то?

– Зоя! – Греческий Федор опять возник в открытом окне второго этажа и явно обращался к кому-то здесь, во дворе. – Зоя, Манька киселя просит. Можно?

– Можно! – крикнула топ-модель, выглядывая в открытую дверцу машины. – Можно, свари! Только не очень сладкого.

Она махнула греческому Федору рукой и захлопнула дверцу. Греческий Федор тоже помахал рукой и исчез из виду. Бронированное корыто Серого опять бесшумно развернулось на месте и исчезло в арке, будто его и не было никогда. Павел сидел, хлопал глазами и пытался слепить из всего увиденного хоть сколько-нибудь логичную картину. Картина не лезла ни в какие ворота.

Павел еще посидел, подумал – и полез из машины, краем сознания отмечая, что его ухоженная, вручную отлаженная, совсем еще не старая «десятка» гремит, даже стоя на месте с выключенным мотором, как пустое ведро. Не в пример полированной керосинке этого крутого Серого. Это сравнение тоже, конечно, настроения не улучшало.

И это тоже раздражало – подъезд нараспашку, никаких кодовых замков, тем более – никакой охраны. Провинция провинцией, но ведь вокзал – буквально в паре сотен метров. Заходи кто хочешь, делай что хочешь, хоть жить поселяйся. Вон тут сколько на первом этаже закоулков, и комнатки какие-то, забитые старой мебелью, велосипедами и детскими колясками. И – ни одного замка ни на одной двери. Слева – лестница в подвал. Павел спустился на несколько ступенек, заглянул вниз – под всем домом огромное помещение, чистенькое, хорошо освещенное, со множеством кладовок, и двери у большинства из них тоже нараспашку. Дикие люди. Телевизор не смотрят, что ли?

Так, на первом этаже никаких квартир нет. Павел поднялся на второй, попутно отмечая чистоту и ухоженность этого открытого всем ветрам, всем бомжам и всем террористам подъезда, умилился двум креслицам на площадке между лестничными пролетами, потрогал герань,

буйно цветущую в многочисленных горшках на подоконнике, – надо же, живая! – и остановился на площадке второго этажа. Огромная какая, даже в его доме лестничные площадки меньше. За ее счет каждой из четырех квартир можно было бы добавить несколько метров жилой площади. Размахисто предки строили. Провинция!

Из какого окна греческий Федор кричал «Зоя!»? Павел остановился перед первой дверью с левой стороны, попытался придумать более или менее правдоподобный повод для визита, ничего не придумал и решительно нажал кнопку звонка, расположенного почему-то очень низко, в метре от пола.

Дверь почти сразу распахнулась, и на Павла молча уставился сердитый мальчишка лет четырнадцати. Или больше. Или меньше. Кто их разберет нынче, холеных да кормленых. Плечи – как у взрослого мужика, а физиономия детская.

– Здравствуй, – сказал Павел. – Ты почему в глазок не смотришь?

– А чего там? – ломким баском спросил мальчишка, не закрывая дверь, посмотрел в глазок, а потом потер его пальцем. – Ничего там такого... Здрасьте. Да вы заходите, чего на пороге стоять.

Мальчишка еще шире распахнул дверь, приглашающее помахал рукой, повернулся и спокойно потопал по длинному коридору, на ходу поддергивая широкие цветастые трусы. На голой спине у него скотчем был приклеен большой лист бумаги с крупной надписью черным фломастером: «Прошу как человека! Не мешай хотя бы чаз!» Буква «з» была исправлена на «с» красным фломастером.

– Федор! – заорал мальчишка где-то там, в конце коридора. – Это к тебе! Почему это я всегда открывать должен? – Свернул направо и пропал.

Павел покачал головой, шагнул через порог и прикрыл за собой дверь. Нет, не смотрят в этом доме телевизор. И газет не читают. Просто недопустимое легкомыслие.

В конце коридора, теряющегося на горизонте, возникла фигура греческого Федора, тоже голого до пояса и тоже, кажется, в широких цветастых трусах. А, нет, это фартук. Веселенький такой фартучек с оборочками и бантиками. Странно нынче одеваются греческие боги. И еще было что-то странное, что никак не вязалось с этой ослепительной внешностью и чего Павел сначала не понял: Федор заметно хромал на правую ногу, и хромота эта была давней, привычной, уже вписавшейся в пластику тела и подчинившей ее себе. Врожденное что-то, что ли? Нет в мире совершенства... Бедный парень.

Бедный парень неторопливо подходил ближе, и Павел с каждым его шагом видел все больше подробностей. Ничего врожденного там и в помине не было. Страшный рваный шрам от бедра почти до щиколотки, грубый, ветвистый, как дерево, – наверное, все мышцы были порваны. На правом боку – еще ветка рваного шрама, правда, уже не такого страшного. Зато совершенно невероятный шрам на руке чуть ниже локтя – очень сложный перелом был, открытый и, скорее всего, осколочный. Похоже, потом его не один раз оперировали. И вся грудь в шрамах – тонких, длинных, неглубоких, нисколько не нарушающих гармонию безупречной мускулатуры и гладкой, слегка загорелой кожи.

Федор поймал взгляд Павла, едва заметно усмехнулся и почесал грудь правой рукой. На правой руке не было указательного пальца и половины безымянного. Павел заметил эту снисходительную усмешку – и мгновенно успокоился. Кажется, тут жалеть некого. Вон как этот красавец ловко продемонстрировал все свои боевые раны. Может быть, еще и гордится ими? Ну да, шрам на роже мужикам всего дороже... Интересно, в каких таких сражениях он заработал всю эту неземную красоту? Ему, похоже, и двадцати нет. А шрамам – лет пять.

– Здравствуйте, – спокойно сказал Федор, подходя ближе и с пристальным интересом рассматривая Павла. Почти так же, как Павел только что рассматривал его самого. – Это вы отец Гарика? Я вас чуть позже ждал. Мне показалось, Зоя на час назначала. Извините, я в таком

виде... Сейчас оденусь – и мы поговорим. Проходите вот в эту комнату, подождите, я через минуту...

Федор снял фартук – под ним были широкие цветастые трусы, а как же иначе, – и повернулся, собираясь уходить по коридору за горизонт, но тут Павел опомнился.

– Минуточку, минуточку, – заговорил он широкой прекрасной спине. На спине тоже был тонкий белый шрам, слева, прямо напротив сердца. – Я не отец Гарика, это недоразумение получилось!

Федор тут же повернулся к нему и без всякого удивления сказал:

– А, то-то я смотрю – рано... А чей вы отец? Или вы по поводу диплома?

– Да ничей я не отец! – Павел сам почувствовал, до чего глупо это звучит, и заторопился, пытаясь объяснить свое появление: – И я не по поводу диплома... Я вообще-то с Зоей хотел поговорить. По делу! А ваш мальчик дверь открыл и сразу: «Проходите, проходите!» И не спросил ничего, а я даже сказать не успел...

– А Зои нет, – спокойно прервал его скороговорку Федор. И замолчал, и уставился на Павла ожидающе.

– Ну да, это я уже понял, – скучно сказал Павел. – Жаль. Очень надо было поговорить.

Из-за горизонта по коридору понесся слоновий топот, и через секунду в пределах видимости нарисовался толстый румяный пончик – рыжий, веснушчатый и, естественно, в цветастых широких трусах. В этой семье, наверное, униформа такая. Пончик подскочил поближе, задрал щекастую мордашку, уставился в глаза Павлу веселыми любопытными глазами, просиял улыбкой и крикнул:

– Мама на р-р-работе!

Это о Зое, что ли? Мама... Во как. Этого Павел не ожидал.

– Так ведь суббота, – пробормотал он, думая совершенно о другом. – Суббота, выходной... Почему на работе? Где на работе?

– В клубе! – еще громче крикнул пончик, и попрыгал на месте, и помахал руками, и опять уставился в глаза Павлу веселыми круглыми глазами.

– Мария, помолчи минутку, – строго приказал Федор, снял трубку телефона, стоящего на тумбочке под зеркалом, нажал несколько кнопок своей изуродованной рукой – быстро, будто гамму проиграл, – и вопросительно глянул на Павла: – Вас как зовут?

– Павел. Павел Браун.

Федор кивнул, еще несколько секунд молчал, потом громко и четко сказал в трубку:

– Зоя, тебя ищет Павел Браун.

И отвел трубку на полметра от уха. Даже Павел слышал шум, который несся из нее, – грохот, ритмичные удары, музыка какая-то, пронзительные выкрики в такт музыке, и на фоне всего этого – сердитый женский голос, вроде бы слегка задыхающийся и прерывистый:

– Федор, я работаю! Через двадцать минут! Будет перерыв!

Федор положил трубку, подумал, пожал плечами и сообщил Павлу то, что он и так слышал:

– Через двадцать минут у Зои перерыв будет, может, успеете.

– А это где? – заторопился Павел. – Это как называется? Я недавно приехал, еще мало что знаю...

– Мама в клубе «Федор-р-р»! – опять крикнула рыжая Мария. – Трр-ренирует тётков! – Подумала и добавила с явным удовольствием: – Жир-р-рных.

– Надо же, какая Мария, – сказал Павел, невольно улыбаясь. – Сколько же тебе лет, Мария?

– Аленушка, уведи сестру. – Федор смотрел на Павла, и тот сначала не понял, к кому он обращается.

А, вот к кому. В коридоре как-то незаметно появилась крошечная девочка... То есть ростом-то она была, наверное, не ниже пончика по имени Мария, но зато во всем остальном – полная ее противоположность. Тоненькая и бледненькая до фарфоровой прозрачности, с крошечными ручками и ножками, с пушистыми кудряшками цвета светлого янтаря – вся как портрет ангела в белом платье, нарисованного акварелью гениальным художником. Девочка глянула на Павла спокойным, отрешенным, совершенно не детским взглядом и с серьезной вежливостью сказала:

– Здравствуйте.

Глаза у нее были нарисованы совсем другим художником. Нестерпимо яркие, сине-зеленые, полыхающие изнутри отсветами золотого пламени, слишком большие на этом худеньком личике с тонкими, прекрасными, нездешними чертами и размытыми красками.

– Сестры? – вслух удивился Павел. – С ума сойти... Совсем разные.

– Не р-р-разные! – энергично возразила рыжая Мария. – Я кр-р-расавица, и она кр-р-раса-вица!

– Аленушка, гони это чудовище одеваться. Сейчас с Сережей гулять пойдете, – сказал Федор, все так же внимательно глядя на Павла.

– До свиданья, – тихо сказала прекрасная Аленушка, полыхнула сине-зеленым взглядом, отвернулась к рыжей Марии и строго приказала: – Кыш.

И рыжая Мария беспрекословно подчинилась, повернулась и с топотом понеслась по коридору, а прекрасная Аленушка скользила за ней, как солнечный зайчик.

Сестры... Две дочки Зои. Может быть, это вовсе и не Зоины дочки? То есть, может быть, это дочки совсем другой Зои? Час назад он думал, что знает достаточно, чтобы не строить иллюзий.

– Так где этот клуб? – Павел глянул на часы – до Зоино перерыва осталось уже пятнадцать минут. – Я на машине, может, успею?

– На машине успеете... – Федор прислушивался к невнятному гомону в глубине квартиры, Павел был ему уже не интересен. – На машине – это мимо магазина направо, потом под железнодорожный мост – и вверх по шоссе, четыре троллейбусные остановки. Здание рядом со стадионом. Да вы его сразу узнаете...

– Спасибо, – заторопился Павел. – Большое спасибо, вы мне очень помогли. До свидания...

Он выскочил за дверь с таким видом, будто и правда сейчас бегом побежит, но когда дверь за спиной захлопнулась, остановился и зачем-то стал прислушиваться к нарастающему гомону за этой дверью. Никакой звукоизоляции. В своей квартире он в первую очередь сделает хорошую дверь.

– Сережа, уже больше чаз-з-за прошло. – Голос Федора, спокойный и слегка насмешливый. – Кто с девочками будет гулять? Обед скоро...

– При чем тут чаз-з-з?! – заорал издали ломкий басок. – Зато ты английского почти не знаешь!.. И почему это я всегда с ними гулять должен?!

– Потому, что ты старший брат, – назидательно ответил Федор. – У тебя обязанности. Или ты сюда случайно забежал, на компьютере поиграть?

Сережа еще что-то возмущенно кричал в том смысле, что он не играет, а работает, но Павел уже не прислушивался. Он медленно шел вниз по лестнице, пытаясь уложить новые детали в ту мозаику, которую раньше составил в более-менее ясную картину. Детали не укладывались. Ну, допустим, Серый сегодня увез из этого дома ту Зою, которая мать троих детей. Тогда какую Зою в этот дом Серый привез ночью из казино? И вообще, сколько в этом доме Зой, которых Серый без конца возит туда-сюда?

В принципе можно съездить в этот клуб. Посмотреть вплотную, что там за Зоя такая работает. Просто так, из академического интереса. Ведь он еще вчера решил, что никакого интереса, кроме академического, у него в этом деле нет.

Глава 4

– Риточка Николаевна, не убегайте, вам еще на массаж обязательно, разве можно пропускать? И пусть Андрей Антонович ваше сердце послушает. Что-то мне кажется, что вы с физическими нагрузками перебарщиваете... А? Дома сильно устаете?

Ни с какими нагрузками эта Маргарита Николаевна, конечно, не перебарщивала. Разве только с нагрузками на печень. Даже на занятия с бутербродами ходит, вы подумайте! Ручками похлопает, ножками потопает, а в перерыв садится в уголке – и за три минуты уминает во-о-от такой кусок черного хлеба с во-о-от таким куском соленого сала. А потом запьет все это кофейком из термоса, закусит шоколадкой – и голодает до следующего перерыва. Аж пятнадцать минут. И буквально после каждого занятия: «Зоенька, почему я так медленно худею?» Почему, почему... Потому, что так быстро толстеешь.

Зоя вздохнула и постаралась подавить раздражение. Это все из-за того, что страшно есть хочется. И еще два часа терпеть. А Риточка Николаевна сейчас схавает остатки своего бутерброда, после массажа закусит шоколадкой, а потом отправится в какую-то безумно дорогую кафешку с такими же спортсменками – с мороженым, с тортиком и с коньячком отпраздновать успешное окончание очередного занятия.

Хоть бы уж никто больше не подходил с разговорами. Через десять минут вторая группа ввалится сытым прайдом, начнет трясти фигурами под оглушительную музыку. Надо Генке сказать, что ли, чтобы не врубал на полную мощность... И почему так трудно именно с первыми группами? С ее любимыми девочками, призерами и чемпионами, – одно удовольствие.

Нет, не удастся отдохнуть. Вон, новенькая идет. Красавица. Это ее сегодня Томка привела. Зачем? Этой красавице, на взгляд Зои, совершенно не нужно ничего корректировать в роскошной фигуре.

Красавица подошла, вальяжно плюхнулась на скамеечку рядом с Зоей, помолчала немного и неожиданно робко спросила:

– Слушай, можно еще на час остаться?

– Зачем? – удивилась Зоя. – Вам дополнительные нагрузки не нужны. Вы в хорошей форме.

– Да ладно тебе – «вы»... Давай на «ты», а? – Новенькая опять помолчала, повздыхала и решительно заявила: – Я вот такую форму хочу. Как у тебя. Сделаешь, а? Любые деньги плачу... Меня Нина зовут, ты помнишь?

– Помню. Вас... тебя Тамара привела. – Зоя тоже помолчала, повздыхала и, несмотря на обещание любых денег, все-таки решила быть честной. – Особых достижений ты не добьешься. Ну, может, будешь на руках ходить, на мостик вставать, еще какие-нибудь пустяки... А чтобы что-то серьезное – это с юности каждый день по несколько часов. И несколько лет подряд. Оно тебе надо? Похудеешь только.

– Да! – горячо сказала Нина. – Начхать мне на достижения! Мне главное, чтобы фигура была, как у тебя! Смотри, как на тебя все мужики пялятся!

Она кивнула на балкон над залом, где мужики обычно наблюдали за занятиями своих спортсменов. Или чужих спортсменов. Зоя машинально оглянулась. Мужики действительно пялились.

– Все-таки какие бабы бывают... закомплексованные, – сказала Зоя с досадой. – Ты хоть на себя в зеркало смотрела? Это они на тебя пялятся. Неужели не видишь?

– Не вижу, – заявила закомплексованная Нина довольным голосом. – Так я останусь, да?

– Ладно, – согласилась Зоя. – Оставайся. Только не ешь, не пей и не кури в перерыве. Лучше иди полежи на матах, вон там, за ширмой. На спине, а руки – в стороны. Иди, а то мне еще позвонить надо, забыла совсем.

Ей просто хотелось посидеть одной в тишине и с закрытыми глазами, про звонок она сказала просто так, чтобы прогнать эту Нину. Но вот сказала – и сразу вспомнила, что позвонить действительно надо, она так и не поняла, кто там ее искал и зачем вообще звонил Федор. Зоя пошарила на скамеечке вокруг себя, вытащила мобильник из-под полотенца и на минуту задумалась: может, сходить к общему телефону в холле, чего деньги тратить? Но у общего телефона всегда народ толчется, так она весь перерыв прождет. Зоя еще немножко помедлила, ожидая, кто кого первый задушит – она жабу или жаба ее, вспомнила, что в понедельник обещали дать зарплату, и без особых угрызений совести решила позвонить все-таки по мобильнику.

– У тебя все в порядке? – спросил Федор, не дав Зое даже слова сказать. В домашнем телефоне не было никакого определителя, но Федор каким-то непостижимым образом всегда точно знал, когда звонит Зоя.

– В порядке, в порядке, – успокоила она Федора. – Чего так сразу... У вас там как? Ты-то чего звонил? Я не поняла – кто меня искал-то? Очень шумно было.

– Да Браун какой-то искал. Говорит – по делу. Нашел?

– Не знаю никакого Брауна, – удивилась Зоя. – Какой такой еще Браун?

– Павел Браун. – В голосе Федора появилась настороженность. – Черный такой. Вернее – коричневый. Прямо вылитый Браун... Я что, зря ему сказал, что ты в клубе?

– Павел? – Зоя даже растерялась. – Зачем это он меня искал? Ладно, ты не тревожься, я его знаю. Ну, пока, у меня перерыв заканчивается.

Она сунула телефон опять под полотенце и оглянулась на балкон. Что ей в прошлый раз показалось? Когда эта закомплексованная Нина показывала на балкон и говорила, что мужики пялятся... Ей показалось, что среди обычных зрителей мелькнул кто-то новый, но чем-то знакомый. Вчерашний черный Павел? Вернее – коричневый. Вылитый Браун. Надо же, какие фамилии появляются в нашей очень средней полосе...

Никаких Браунов сейчас на балконе не было, обычный состав, знакомые все лица. Одно наглое лицо, кажется, закурить собирается. Зоя свирепо нахмурилась и показала мужику кулак. Тот торопливо сунул пачку сигарет в карман и поднял ладони: Гитлер капут. То-то. Приказать, что ли, балкон закрыть? Но бабы охотнее ходят на занятия, если с балкона на них смотрят и законные, и знакомые. На иную глянешь – нет, больше двух недель не выдержит. А она месяц ходит, и два, и три, и полгода ходит... И деньги несет. Ладно, не будет она приказывать балкон закрывать.

В зал из раздевалки повалила новая группа. Ну, эти еще ничего. Из этих, по крайней мере, никто обед с собой не носит. И кажется, нет ни одной, кто был бы шире пятьдесят четвертого размера. Правда, и тех, кто был бы уже, тоже раз-два и обчелся. Где там закомплексованная Нина? Становимся, рыбы мои золотые, становимся... Ген! Музыку в два раза тише. А то к концу занятий никакого голоса не останется.

Да, с этими уже куда легче. Эти уже за сердце не хватаются, на пол не садятся, скакалками друг друга не травмируют и перерыва через каждые пятнадцать минут не требуют. И Андрей Антонович ими доволен, говорит, почти все курить бросили – а никто не пополнел. Все-таки как приятно видеть плоды своей работы. Такие гладкие, румяные, здоровые плоды с ясными глазами и спокойным дыханием. Молодцы. И новенькая Нина молодец, вон как честно скачет, старается вовсю, почти два часа движений, а дыхание хорошее, только немножко взмокла с непривычки. Говорили же ей – не пей в перерыве! Или, на всякий случай, к Андрею Антоновичу эту Нину послать? Справки-то она принесла нормальные, но сейчас любую справку за пять копеек напишут. А за пять долларов – полкило сушеных справок...

Зоя прыгала, бегала, показывала, командовала, хвалила, ругала, следила за тем, кто как дышит и кто как потеет, думала при этом о привычных рабочих вещах, а сама с удовольствием ждала прихода третьей группы. Третья группа была ее радостью и гордостью. Девочки занимались уже по несколько лет, на всяких соревнованиях только так хватали дипломы и медали,

а Оксанку уже можно считать готовым тренером. У-у-ух, как она сейчас оторвется со своей третьей группой!

В перерыве после второго часа опять подошла новенькая Нина.

– А можно я еще на час останусь? – Нина слегка пыхтела, косметика у нее поплыла, но глаза были веселые. – Мне понравилось. Я не устала, правда. Я здоровая.

– Нет, третий час – это уже лишнее, – строго сказала Зоя. – Особенно для первого раза. Хотя вообще-то ты молодец, не ожидала. Но на сегодня хватит.

– Так я заплачу! – предложила Нина. – Два тарифа! А? Три!

– Все равно нельзя, – с сожалением отказалась Зоя. – То есть остаться-то можно, только заниматься нельзя. Посидишь в стороне, посмотришь, что люди делают... Это – пожалуйста. Совершенно бесплатно.

– Ага, – обрадовалась Нина. – Ладно. Спасибо. Но я и за посмотреть заплатить могу!

– За посмотреть вон с кого брать надо! – Зоя кивнула на балкон с мужиками и усмехнулась. – Ходят, как на работу. Лучше бы сами железо потаскали. А то развелись, как сурки на зиму... Балкон, того и гляди, рухнет.

Нина подняла голову, внимательно присмотрелась и вдруг жадно спросила:

– А ты там всех знаешь? Вон тот, в зеленой рубашке – кто?

– В лицо вроде знаю. Хотя они меняются без конца. Да какая разница? Все они одинаковые. Сурки и сурки.

– Не-е-ет, – пропела Нина ласково, и поправила прическу, и состроила балкону глазки. – Не все сурки. Вон тот плечистенький очень даже не сурок! – Она подергала Зою за руку и нетерпеливо зашептала: – Ну, глянь, глянь скорей! Кто это? Сейчас уйдет...

Зоя без интереса глянула – никаких плечистеньких там не было, одни сурки.

– Ушел, – разочарованно сказала Нина. – Но я все равно останусь, ладно? Посижу, посмотрю. Может, хотя бы теоретически чему-нибудь научусь.

– Ух, как правильно мыслишь, – радостно удивилась Зоя. – Первый теоретический урок: смотри и запоминай, как надо одеваться на занятия.

В зал вбегала ее гордость и радость, третья группа, которая, конечно, на самом деле была первой группой, всегда первой, первой из первых! Девочки вбегали по одной, и каждая показывала Зое свое приветствие – ровно четыре секунды, – и Зоя зеркально повторяла это приветствие, и это уже была настоящая работа, потому что девочки к каждому занятию придумывали что-нибудь новенькое, что-нибудь этакое, и каждый раз следили: а вдруг Акела промахнется? Вон что Жанка делает, подлая... Ну, сейчас она им покажет, кто тут вожак стаи. С места в карьер.

– Лицом к зеркалу, делать отражение, – скомандовала Зоя.

Это было одно из самых противных упражнений на внимание, девочки его терпеть не могли. В свое время Зоя его тоже терпеть не могла и подозревала, что тренеры придумали это упражнение для того, чтобы время от времени напоминать ученикам, кто тут вожак стаи. Когда сама стала тренером – поняла, что подозревала не без оснований. Вон как они все подтянулись, вон как напряженно следят за ее отражением, пытаясь предугадать ее следующее движение и одновременно соображая, чьи движения они повторяют – ее или ее отражения? Нет, молодцы. Никто не ошибается. А подлая Жанка – так просто молодец-молодец. Надо ее поощрить.

Зоя остановилась, внимательно оглядела замерших перед зеркалом девочек, скомандовала:

– Лицом ко мне, Жанна – на мое место. Ритм вальса, слушать меня.

Девочки повернулись, лица у большинства были недовольные. Жанка выскочила вперед, встала рядом с Зоей, от гордости вроде даже подросла на пару сантиметров, но косилась на нее

все-таки настороженно. Мало ли. Может, это вовсе не особое расположение тренера, а внеочередной экзамен.

– Внимание! И-и... раз-два-три, раз-два-три... – Зоя с удовольствием отметила, что Жанка особо не выпендривается, не пытается выкинуть что-нибудь этакое, чтобы народ от изумления с ритма сбился. Но работает изобретательно и весело. И – подумать только! – внимательно следит за группой. Тоже тренером будет... – Все, Жанна, очень хорошо. Следующая – Оксана.

И так – сорок минут без перерыва, без всякой музыки, какая там музыка, зачем тут музыка, тут не танцульки, тут тяжелая работа, очень, очень тяжелая... Даже эти закаленные, твердокаменные, цельнометаллические – и то за тренировку по килограмму живого веса теряют. Ну, пусть отдохнут.

– Всем ходить по кругу, руки за голову, медленные наклоны в стороны.

Зоя села на скамеечку, наблюдая за девочками, машинально растирала ноги – все-таки многовато нагрузки каждый день...

– Это что, каждый день так?

Нина. А Зоя и забыла о ней.

– Ну что ты! Если каждый день только так развлекаться – разве каких-нибудь результатов добьешься? – Зоя заметила, как вытягивается лицо Нины, и немного позлорадствовала: – Сегодня все-таки выходной, надо же девочкам когда-нибудь отдыхать. А каждый день – это в другом зале. Там тренажеры серьезные. Ну и прочее – кольца, брусья, канаты... Хочешь, потом покажу?

– Да ну их, – почти испуганно сказала Нина. – Куда уж нам уж... А почему на занятия так одеваться надо?

Все девочки из ее третьей – первой из первых! – группы были одеты точно так же, как Зоя: старые, линялые, свободные спортивные трусы и майки, растянутые носки с нашитыми под пятками и пальцами кружочками кожи, головы перевязаны шнурками или просто бинтиками. Запястья и щиколотки у многих тоже были бинтиками перевязаны. Никаких блестящих купальников, никаких ленточек с цветочками, никаких золотых тапочек.

– Чтобы удобно было, – объяснила Зоя. – Чтобы ничего не мешало. Да и потом – на сколько занятий хватит шелкового костюмчика? Хорошо, если на два. Шелков не напасешься.

– Я напасусь... – Нина погладила свои малиновые бока в серебряных узорах и опять искося глянула на балкон. – Красиво же, а?

– Красиво, – согласилась Зоя. – Только задницу ты уже натерла. Завтра еще натрешь. А через неделю – еще... А если каждый день по несколько часов в таком костюмчике? Вон край какой – чистый наждак. Отрежет ногу на фиг, прям по тазобедренный сустав. И ленточка эта твоя все время на брови сползает, ты ж ее без конца поправляешь, с ритма сбиваешься. Да тебе и не надо ничего на голову цеплять, у тебя правильная прическа, ничего не растрепывается, в глаза не лезет. Но, конечно, смотри сама, я тебе приказывать не могу, я только вот этим своим приказывать могу.

– А если я вот так одеваться буду, ты со мной будешь каждый день заниматься? – подумав, нерешительно спросила Нина.

– В моей группе – нет... – Зоя прикинула свое расписание и решила. – Можно индивидуальные занятия попробовать. Но это дорого. И зрителей не будет.

– Ну и хорошо, что не будет, – буркнула Нина и опять покосилась на балкон. – Тем более если в футбольных трусах заниматься. А дорого – это наплевать, за такую фигуру ничего не дорого. Когда приходиться?

– Завтра решим. Я график составлю, а потом решим, кому когда удобнее. – Зоя встала и похлопала в ладоши. – Девочки! Отдых закончен. Десять минут танцуем со всеми элементами, произвольно, парами... Что будем танцевать?

– Студента! – закричали сразу несколько голосов.

Девочки оживились, быстренько разбежались по залу парами, заулыбались, задрывали в нетерпении ножками.

Ну да, она так и думала. Эта старая песня была самой удобной для любого спортивного танца. Вообще для любого танца. Первый раз Зоя танцевала под эту мелодию еще лет десять назад, и с первого раза она ей страшно понравилась. И до сих пор нравится – смешная песня. Просто до гениальности. Она улыбнулась, кивнула Генке, который ожидающе выглядывал из своего окошечка под балконом, и подняла руку:

– Три, два, один... Ноль!

«Во французской стороне, на чужой планете, предстоит учиться мне в университете...»

Какой хороший рисунок у двух Елен получается. Они всегда в паре танцуют, станцевались уже. Или заранее прорепетировали, хитрые морды? У Наташи замечательный шпагат, какой-то особенно изящный, стремительный, легкий, она об этом знает, поэтому демонстрирует его когда надо и когда не надо. В таком ритме пять шпагатов подряд – чистой воды выпендрей. Надо будет потом ей по затылку настучать. А вообще все молодцы, рыбы мои золотые. Вот только Жанка и Оксана все не могут выяснить, кто круче. Не так в паре танцуют, как фокусы друг другу показывают. Ишь ты, соперницы.

Зоя внимательно следила за своими девочками, а сама тоже танцевала. Так, немножко, просто повторяла самое интересное из танца девочек и по ходу дела придумывала, как эти элементы можно будет вмонтировать в новый танец, который они покажут на будущих соревнованиях. Очень хорошо можно будет вмонтировать...

Музыка смолкла, девочки на пару секунд застыли в причудливых позах – Жанка на руках, подлая, – и Зоя похлопала в ладоши, обозначая конец занятий. И на балконе кто-то начал было хлопать, придурок, но Зоя, не глядя, показала балкону кулак, и там заткнулись. Нет, разгонит она этих балетоманов к чертовой матери. Впереди еще прощание.

Прощание показывала она, а девочки повторяли. Зоя особо не мудрствовала, делала что-нибудь простенькое – все-таки все устали уже, сколько можно народ на прочность испытывать... Ага, а вот и Жанка, приготовилась уже, вытянулась стрункой – сейчас блеснет. Вот я тебя ужо...

Зоя скосила ступни, присела на полусогнутых, отключила зад, наклонилась вперед и помахала растопыренными в стороны руками: раз, два, три, четыре. В точно такой же позе Манька обычно убегала от грядущего наказания, Жанка, не успев сообразить, как будет выглядеть в глазах зрителей, очень точно повторила прощание Зои. Со стороны балкона опять раздались хлопки и чей-то подавленный смешок. В глазах у Жанки мелькнула обида. Нет, надо все-таки приказать закрыть доступ этим суркам на смотровую площадку. Хотя бы на то время, когда тут занимается третья группа.

– Жанна, я тобой довольна! – громко сказала Зоя. – Я думаю, ты уже способна сама придумать себе программу. Подумай. Завтра после занятий все обговорим как следует. Согласна?

Жанка тут же перестала обижаться, засияла, загордилась... Помолчала пару секунд для солидности, но не выдержала стиля, выпалила торопливо:

– Согласна! Я уже кое-что придумала! До завтра, да?

И присела на полусогнутых, выставив мелкую попку и прогнув узенькую спину, и помахала крыльями, и сама засмеялась, когда засмеялись девочки. Вот ведь подлая. Молодец-молодец.

– Зоя! – Серый всегда говорил негромко, но получалось как-то так, что было слышно за сто метров в любом шуме. – Ты уже закончила? Тебя подождать?

Зоя оглянулась – Серый стоял на балконе, облокотившись о перила, смотрел на нее, улыбался. Сурков на балконе заметно поубавилось, а те, которые остались, отодвинулись

подальше, жались по углам. Серый тоже молодец-молодец. Если бы не его демонстративная опека, эти балетоманы проходу бы не давали ее девочкам.

– Нет, не жди. Мне еще в два места забежать надо, тут рядом, я лучше пешком. Томка с тобой?

– Курить пошла, – наябедничал Серый.

– Ну ты подумай! – возмутилась Зоя. – И чего ты ее не выпорешь?

– Выпору, – неубедительно пообещал он.

На балконе появилась Томка, подкралась к мужу, ввинтилась ему под мышку и, глядя на Зою веселыми хитрыми глазами, зловеще поинтересовалась:

– Это кто кого выпорет?

– Сережа тебя выпорет! – крикнула Зоя сердито, наблюдая, как Серый тут же обнял Томку и уткнулся ей носом в макушку. – А я добавлю! Куришь! Вот не пушу больше на занятия!

Как она их любила – и обоих вместе, и каждого по отдельности. Хотя по отдельности их нельзя было представить. Сколько Зоя помнила, они всегда были вместе, даже тогда, когда Серого еще не было. То есть он, конечно, где-то был, но Зоя его никогда не видела, знала только, что он все равно вместе с Томкой, хоть его и нет. А когда он приехал, то оба они, Сережа и Томка, оказались еще и вместе с Зоей. Ах, как она их любила...

После душа Зоя взяла фен в парикмахерской при бассейне и опять слегка уложила волосы – имеет она право хоть раз в жизни прийти к ученикам в приличном виде? И в прекрасном настроении вышла из клуба, прикидывая, не зайти ли в соседнюю забегаловку, съесть чего-нибудь мясного, выпить стакан томатного сока... Или уж ограничиться пирожком с капустой с вон того лотка? Времени уже мало остается.

– Зой!

Опять новенькая Нина чего-то от нее хочет. Вот ведь настырная. Обо всем вроде договорились. А если и остались вопросы, – что, завтра ей дня не будет, что ли?

– Зоя! – Настырная Нина нетерпеливо пританцовывала на месте и заискивающе заглядывала в глаза. – Я что спросить-то хотела... Жрать хочется, прям никакого терпезу. Можно мне сейчас поесть?

– А почему ж нельзя? – удивилась Зоя. – Я тоже есть хочу. Вон там пирожки всегда хорошие. Ты есть не бойся, тебе бояться нечего. Главное – не сколько есть, главное – что. Вот, например, сало – это не следует.

– Не буду, – пообещала Нина. – А давай в кафе сходим, а? Я тут недалеко одно такое знаю – прям Франция! Пойдем, а? Я угощаю.

– Нет, спасибо, не могу... – Зоя вздохнула с искренним сожалением. – У меня сейчас еще работа. Не успею.

– Так я на машине! – Нина махнула рукой куда-то в сторону. – До кафешки на машине пять минут, а после я тебя куда хочешь подброшу!

Зоя оглянулась – недалеко стояла какая-то небольшая спортивная машинка, ярко-малиновая, как костюм этой Нины. С открытым верхом.

– Нет, правда не могу, – быстро сказала Зоя, с отвращением отворачиваясь от этой выпендрежной консервной банки. – Мне уже через десять минут надо на месте быть. И я пешком хотела, надо ноги немножко размять... До завтра, да?

– Да, – растерянно сказала Нина, с некоторым сомнением глядя на Зоины ноги. – До завтра. Счастливо.

Да уж, нашла предлог – ноги размять. Левая, травмированная, уже полчаса как ноет... Предательница. Хотя от этого «яда для ног», как Манька называет состав, который сочинил для Зои Андрей Антонович, нога ведет себя гораздо приличней, чем она ожидала. Тьфу-тьфу-тьфу. Конечно, неделька отдыха не помешала бы, как настоятельно советует тот же Андрей

Антонович. Только где ее взять, эту недельку? Вот выкроит она когда-нибудь три свободных дня...

– Зоя.

Она оглянулась на вроде бы знакомый голос, заранее делая приветливое, но очень озабоченное лицо: здравствуйте, здравствуйте, очень рада, но сейчас тороплюсь, очень занята... И все такое. А то начнут все подряд останавливать с глупостями какими-нибудь. Так и правда на урок опоздает.

От автостоянки к ней быстро шел вчерашний черный Павел. Обугленный, как сказал его друг Вова. Ничего этот Павел не обугленный. Просто очень яркий коричневый загар. Типичный Браун.

– Здравствуй, Павел, – официальным тоном поздоровалась она. – Федор сказал, что вы меня искали по делу. По какому делу?

Типичный Браун остановился перед ней, уставился в лицо с каким-то странным выражением – будто сомневался в том, что это именно она. А может, и правда сомневался. Вчера в «Фортуне» она была в таком прикиде, что засомневаешься тут.

– Вчера я была в парике и в гриме. И на каблуках двадцати сантиметров, – нетерпеливо сказала Зоя и глянула на часы. – Сейчас у меня времени нет. Так какое у вас дело? Извините, я правда уже опаздываю.

– Так я на машине! – Павел типичный Браун заторопился, полез в карман, вытащил ключи. – Я вас подброшу, вы не против?

Он протянул руку в сторону стоянки, одна из машин тявкнула и мигнула фарами. Светлая «десятка». Где-то она ее уже видела, эту консервную банку очень красивого опалового цвета.

– Вот на этой машине? – Зоя поджала губы и отвернулась. – Нет, я против. И здесь всего двести метров.

– А пешком с вами пройти можно? – нерешительно спросил Павел типичный Браун.

Зоя подумала – и кивнула. Этот Павел тоже оказался не очень похож на себя вчерашнего. И не потому, что был одет не в дорогой летний костюм, а в затрапезные джинсы и старомодную рубашу навыпуск и с короткими рукавами. Никакую не зеленую, у Нины, наверное, дальтонизм. Этот цвет называется хаки. Такие рубашки носят военные летом. Но одежда, в общем-то, почти ничего не меняла в его облике. Просто вчера он был строг, серьезен и отстранен. И настроение у него было плохое. А сегодня – какой-то неуверенный. Идет рядом, молчит, поглядывает на нее искоса. И, кажется, все время о чем-то напряженно думает.

– Я уже пришла. – Зоя остановилась у калитки, ведущей в заросший, запущенный, старый сад, посреди которого угадывался небольшой частный дом. – Вы так и не сказали, по какому делу меня искали.

– Я... не успел, – растерянно сказал он, с видимым усилием выныривая из своих напряженных дум. – Вот так, на бегу, как-то... неудобно. Вы сможете выбрать время, чтобы поговорить со мной?

– Павел, – спросила Зоя, с откровенным интересом пристально разглядывая его. – Павел, а вы вообще-то кто?

– Я? – Он, кажется, удивился, почему-то потрогал собственное лицо, поразглядывал свои коричневые руки и неожиданно сказал: – Вообще-то я мулат.

– Ну, до встречи, – сказала Зоя, вошла в калитку и закрыла ее за собой, стараясь подавить истерический смешок, который так и булькал внутри, так и прорывался наружу...

Мулат! Нет, ну сколько мулатов развелось вокруг, а? И главное – почему они все натыкаются именно на нее? Станешь тут расисткой в конце концов.

Глава 5

Павел постоял перед закрытой калиткой, пожал плечами, рассеянно огляделся. Тоже хороший райончик. В пяти минутах от трассы, а какая тишина, воздух, цветы, сады... Старая слива вывалила весь свой урожай через забор – тяжелые от ягод ветки опустились чуть не до земли. Сквозь штакетник толпой лезут бледно-фиолетовые ирисы, а сразу за штакетником – мальвы, разноцветные, жирные, непроходимые джунгли выше человеческого роста. Откуда-то из-под забора просочился котенок с признаками породы – весь бежевый, а мордочка, хвост и концы лап – коричневые. Котенок подошел к Павлу, понюхал его ботинки и потерся о ногу.

– Ты вообще-то кто? – строго спросил у него Павел. – Ты, может, вообще-то мулат, а?

Котенок зевнул и нырнул в лопухи. Павел повернулся и медленно пошел по проулку к шоссе, к своей машине, оставленной на стоянке возле клуба «Федор». Тот греческий Федор, который в цветастом фартуке с оборочками, сказал, что Павел сразу клуб издалека узнает. Еще бы не узнать – прямо у входа под надписью «Спортивный клуб “Федор”» в огромном окне – портрет этого самого Федора. Почти во все окно. В полный рост, со штангой на плечах, и штанга не бутафорская, вон как железо вминается в литые мышцы. Когда Павел подъехал к клубу, то подумал, что штангист на плакате просто похож на этого греческого Федора, но подошел ближе – и ясно увидел все его жуткие шрамы, все рубцы, и следы от швов, и изуродованную руку, спокойно заброшенную на небутафорскую штангу, как на коромысло, и чуть заметную снисходительную усмешку... Фотоплакат был очень качественным. Вот, стало быть, в честь кого назвали клуб. Ну-ну. Или просто совпадение? Странное совпадение.

И вообще все странно. Невероятное количество странного наверчено вокруг этой Зои. Что Зоя – именно та, Павел сейчас уже не сомневался. Хотя когда в первый раз глянул с балкона на зал сверху – страшно удивился: толпу «жирных тётков», как сказала рыжая Мария, свирепо гоняла та самая лохматая девчонка, которая в Зоинем дворе мусор выносила. То есть сейчас девчонка была не очень лохматая, голова поперек лба у нее была перевязана какой-то веревочкой, но, без всякого сомнения, это была она. И орала на «жирных тётков» тем же командирским голосом, каким приказывала греческому Федору выглянуть в окошко. А где та топ-модель, которую Серый на своей полированной керосинке увез? По крайней мере, та топ-модель могла быть матерью троих детей, хоть и это маловероятно. Но с топ-моделями вообще ничего не поймешь, может, ей уже лет сорок, пластическая хирургия сейчас чудеса делает. А эта смешная девчонка матерью каких-нибудь детей быть категорически не могла. Ей лет пятнадцать, наверное. Почти ровесница того Сережи, который старший брат рыжей Марии и прекрасной Аленушки. Ну, а топ-модель-то где?

Павел ушел с балкона и немного побродил по этому спортивному клубу, который оказался довольно большим комплексом, где было практически все – бассейн, несколько тренировочных залов, физиотерапевтический кабинет, солярий, салон красоты... В салоне красоты он на всякий случай спросил, где можно найти Зою, которая как раз сейчас должна тренировать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.